

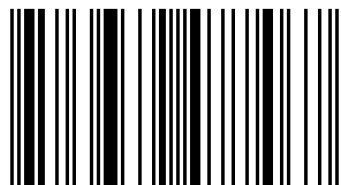
Методология прикладных исследований невербального поведения человека

В монографии осуществлен теоретико-методологический анализ проблемы кодирования и интерпретации невербального поведения. В ней сделан акцент на невербальном поведении как компоненте невербального выражения личности, ее невербального образа. Дана трактовка интерпретации невербального поведения как творческого процесса. Представлены методы диагностики способности к кодированию и интерпретации невербального поведения, созданные на основе развиваемых в монографии подходов к пониманию феноменов кодирования и интерпретации. Приводятся результаты конкретных эмпирических исследований, выполненных с помощью созданных методов. Практическая направленность разрабатываемой методологии представлена в принципах и правилах организации визуальной психодиагностики личности. Монография предназначена для магистров, аспирантов, научных работников, преподавателей Высшей школы, занимающихся изучением проблем общения. Она может быть полезной для широкого круга специалистов, деятельность которых сопряжена с анализом поведения и взаимодействия людей.

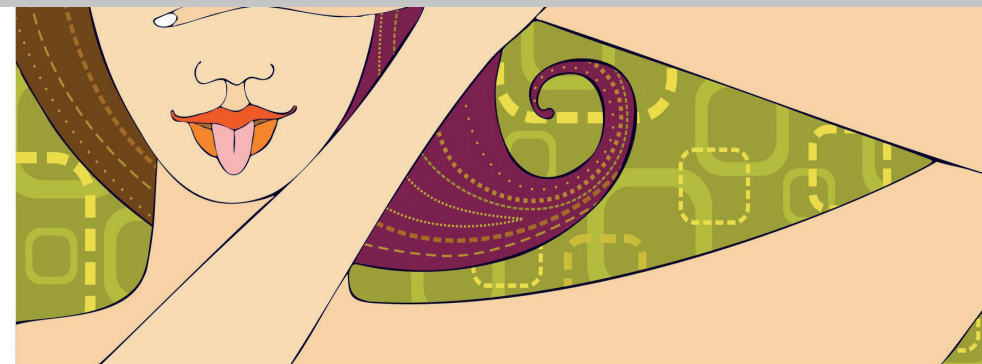
Вера Лабунская

Доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной психологии Академии психологии и педагогики Южного Федерального университета (Россия, Ростов-на-Дону). Изучает влияние культурно-психологических, социально-психологических, гендерно-возрастных факторов на общение и экспрессивное поведение человека.

978-3-639-47746-7

Невербальное поведение

Вера Лабунская

Методология прикладных исследований невербального поведения человека

Невербальное общение: социально-психологические факторы интерпретации и конструирования невербального поведения

Лабунская

Palmarium
academic publishing

Вера Лабунская

**Методология прикладных исследований невербального
поведения человека**

Вера Лабунская

**Методология прикладных
исследований невербального
поведения человека**

**Невербальное общение: социально-
психологические факторы интерпретации и
конструирования невербального поведения**

Palmarium Academic Publishing

Impressum / Выходные данные

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Coverbild / Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Verlag / Издатель:

Palmarium Academic Publishing

ist ein Imprint der / является торговой маркой

OmniScriptum GmbH & Co. KG

Heinrich-Böcking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Deutschland / Германия

Email / электронная почта: info@palmarium-publishing.ru

Herstellung: siehe letzte Seite /

Напечатано: см. последнюю страницу

ISBN: 978-3-639-47746-7

Copyright / АВТОРСКОЕ ПРАВО © 2014 OmniScriptum GmbH & Co. KG

Alle Rechte vorbehalten. / Все права защищены. Saarbrücken 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Раздел 1. Теоретико-методологический анализ проблемы кодирования и интерпретации невербального поведения	7
1.1. Представление о невербальном выражении личности	7
1.2. Истоки психосемантического и смыслового пространства невербального поведения	13
1.3. Невербальный код и особенности кодирования невербального поведения	26
1.4. Подходы к фиксации невербальных кодов и интерпретации в практической деятельности психолога	37
Раздел 2. Методы диагностики и развития способности к кодированию и интерпретации невербального поведения	55
2.1. Диагностика сложившихся интерпретационных схем и уровней интерпретации невербальных кодов	55
2.2. Процедура кодирования и интерпретации невербального поведения другого человека	67
2.3. Диагностика уровня развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения	74
Раздел 3. Эмпирические исследования кодирования и интерпретации невербального поведения в общении	93
3.1. Кодирование-интерпретация лицевой экспрессии эмоциональных состояний различными субъектами педагогического общения	93
3.2. Кодирование – распознавание дошкольниками лицевых выражений эмоций	108
Заключение. Правила и принципы визуальной психодиагностики личности на основе ее невербального поведения	123
Литература	131

Введение

В современной психологической науке уделяется огромное внимание изучению невербального поведения. Проблема сензитивности к невербальному поведению, проблема кодирования невербального поведения, распознавания и интерпретации выходят на первый план в работах, посвященных исследованию различных сторон невербального общения. В последнее время, в связи с исследованием эмоционального интеллекта возрос интерес к изучению разнообразных функций невербального поведения, а также усилилось внимание к феноменам управления, моделирования невербального поведения. Ряд исследователей отмечают, что способность к управлению эмоциями, отношениями проявляется в контроле за внешним выражением, что уровень регуляции невербального поведения и его интерпретации связан с особенностями общения. Успешное кодирование и интерпретация невербального поведения способствует социальной адаптации, влияет на ощущение субъективного благополучия и т.д. В современной психологии накопилось довольно большое количество фактов, свидетельствующих об успешном проникновении во внутренний мир личности, данных, фиксирующих влияние и воздействие невербальных коммуникаций на весь процесс общения.

Большое место в психологии невербального поведения занимают работы, посвященные изучению влияния социокультурных, этнопсихологических, ситуативных, личностных, гендерно-возрастных факторов на кодирование и интерпретацию невербального поведения. В целом, современное состояние психологии невербального поведения отличается тем, что исследователи все чаще рассматривают различные компоненты невербального поведения в качестве показателей аттрактивности личности, меры ее убежденности в чем-либо, предубежденности, согласия, сострадания, желания помогать другим, в качестве надежного инструмента измерения уровня развития различных способностей и умений. Выводы многих работ позволяют сформулировать фундаментальное положение о полифункциональности невербального поведения в различных социальных контекстах, которое выступает,

одновременно, и как средство познания личности, и как средство влияния, воздействия, регуляции своего и чужого поведения, как способ контроля и показатель уровня развития навыков и умений.

Несмотря на огромный интерес к изучению невербального поведения, до настоящего время ведутся методологические, теоретические дискуссии, касающиеся природы невербального поведения, его связей с внутренним миром человека, дискуссии, в центре которых оказываются фундаментальные проблемы соотношения биологического и социального, осознаваемых и неосознаваемых явлений и процессов, устойчивых и ситуативных проявлений личности. От позиции исследователя, которую он занимает, участвуя прямо или косвенно в этих дискуссиях, во многом зависит ответ на вопросы об особенностях кодирования и интерпретации невербального поведения в процессе социального взаимодействия. В монографии раскрываются методологические позиции ее автора, включающие теоретические ответы на поставленные вопросы, методические подходы к изучению кодирования и интерпретации невербального поведения в общении, их применение в конкретных эмпирических исследованиях. Прикладной аспект разрабатываемой методологии представлен в принципах и правилах организации визуальной психодиагностики личности.

В монографии, в нескольких разделах рассматривается методология исследований кодирования- интерпретации невербального поведения, которая базируется на идеях психологии социального познания и семиологического подхода к невербальному поведению как системе кодов, наличию у него психосемантического и смыслового пространства. В ней осуществлен теоретико-методологический анализ проблемы кодирования и интерпретации невербального поведения, как взаимосвязанных и взаимозависимых процессов, которые сосуществуют в каждом акте общения. Само невербальное поведение рассматривается в контексте более широкой категории – невербальное выражение личности, невербальный образ Я личности и трактуется как системное образование, имеющее сложную структуру, компоненты которой

отличаются возможностями кодирования, а их интерпретация зависит от сочетания большого количества факторов.

В основе методологического подхода, представленного в монографии, лежит вывод о том, что как позиции «безуспешности кодирования», размывания поля психологических значений, смыслов невербального поведения, так и позиции жесткости взаимосвязей между «невербальным кодом» и определенными свойствами, качествами личности, ее эмоционально-аффективным отношением к событиям отражают не только различные трактовки невербального поведения, невербальных коммуникаций, но и фиксируют различные подходы к толкованию интерпретации невербального поведения в процессе общения.

Предлагаемая нами точка зрения, вбирающая представления о природе формирования невербального выражения личности, о соотношении осознаваемых и неосознаваемых компонентов в невербальном выражении личности, состоит в дифференцированном подходе к различным уровням функционирования невербального поведения как кода, как индикатора психологических и социально - психологических характеристик личности, осознаваемых и неосознаваемых ею. Она учитывает контекстуальные переменные, активность субъекта кодирования, устойчивость - изменчивость невербального кода, жесткость – вариативность его связей с психологическими особенностями личности, степень осознания элементов его образующих, меру контроля.

В соответствии с пониманием невербального поведения как специфической системы кодов трактуется интерпретация. Она рассматривается в качестве творческого процесса, направленного на выявление и реконструкцию не всегда очевидных психологических и социально – психологических особенностей личности, ее смысловых позиций, на установление всей иерархии связей между невербальным выражением и различными внутренними структурами личности.

В монографии констатируется, что в процессе практической деятельности человек попадает в весьма сложную ситуацию. С одной стороны подвижные и неустойчивые связи между невербальным поведением и психологическими особенностями личности, включающие осознаваемые и неосознаваемые компоненты структуры личности, с другой стороны, постоянно изменяющийся контекст общения, с третьей стороны, сложившиеся интерпретационные схемы, направляющие процесс интерпретации и влияющие на адекватность понимания, но также недостаточно осознанные субъектом познания. Поэтому процесс обучения кодированию - интерпретации невербального поведения личности превращается в творческий процесс.

Раздел 1. Теоретико-методологический анализ проблемы кодирования и интерпретации невербального поведения

1.1. Представление о невербальном выражении личности

Сегодня наблюдается повышенный интерес к различным аспектам невербального языка, особенно, к тем, которые несут информацию об индивидно – личностных, социально-психологических характеристиках человека. На современном этапе развития психологии невербального общения наблюдается увеличение количества ее предметных областей, дифференциация исследовательских практик, направленных на изучение отдельных сторон, функций, выделение прикладных областей психологии невербального общения и невербального поведения [Барабанщиков, 2012, Коццолино, 2009, Крейдлин, 2002, Лабунская, 2009, Меграбян, 2001, Ambady, Weisbuch, 2010, Ekman, Friesen, 2003, Harrigan, Rosenthal, Scherer, 2005]. В публикациях отечественных и зарубежных авторов постоянно высказывается мысль о том, что экспрессивные невербальные средства создают образ и выявляют внутреннюю структуру человека, что демонстрируемые личностью невербальные паттерны поведения отражают не только историю формирования, социализации конкретного индивида, но и общности, к которой он принадлежит. Наряду с этим ставятся традиционно три вопроса. Первый из них задается в контексте проблемы контроля за невербальными компонентами выражения личности. В этой связи обсуждается вопрос о возможности осознанного и целенаправленного кодирования личностью с помощью невербальных средств своего внутреннего мира для осуществления самоконтроля и контроля за поведением других людей, а также рассматриваются возможности участия общества (различных институтов) в процессах формирования определенных паттернов невербального поведения и контроля экспрессивного репертуара членов сообщества. Второй вопрос возникает тогда, когда речь заходит о

диагностических функциях невербального поведения личности, о выделении и описании круга психологических и социально-психологических особенностей личности. В этой связи невербальному выражению личности приписывается функция передачи бессознательных или мало осознаваемых ею состояний, отношений, переживаний, возможно, смысловых установок. Третий вопрос, неизбежно, появляется тогда, когда рассматриваются механизмы, условия понимания, интерпретации личностных особенностей человека на основе его невербального выражения. Поиск ответов на данный вопрос имеет длинную историю. Один из ответов состоит в том, что «человек реагирует на экспрессию другого человека неосознанно, бессознательно, поскольку само экспрессивное поведение – это неосознаваемый компонент в структуре поведения личности, выражающий ее бессознательное». Другой ответ включает идеи герменевтики. В нем зафиксирован вывод о том, что человек осмысливает связи, установленные им между внешним и внутренним, и в соответствии с уровнем развития его личности интерпретирует их. Можно было бы в процессе обсуждения проблемы осознаваемых и неосознаваемых компонентов невербального выражения личности поставить еще ряд вопросов, например, вопрос о дифференциации экспрессивных средств по степени их доступности для осознания и контроля со стороны человека. Так, в работах П. Экмана [Ekman,2003], посвященных распознаванию лживого поведения, представлена классификация невербальных компонентов на основе такого критерия, как «утечка» информации.

На наш взгляд, решение проблемы соотношения осознаваемых и неосознаваемых невербальных компонентов выражения личности предполагает более пристальное рассмотрение таких феноменов, как «выражение личности»; «невербальное поведение»; «экспрессивный, невербальный код и паттерн поведения»; «интерпретация личности на основе ее невербального поведения»; Понятие «выражение личности» было сформулировано, прежде всего, в психологии выражения, которая, являясь одной из самых старых ветвей психологической науки, в настоящее время переживает ренессанс. Она

предстает в различных работах, то, как психология экспрессивного поведения, то, как психология среды, то, как психология самовыражения и самопредъявления, то, как дисциплина, интегрирующая все направления психологии, пытающейся найти пути проникновения во внутренний мир личности. В рамках психологии выражения сформировалось ряд направлений изучения особенностей выражения человека, интеграция основных положений которых приводит к выводу о том, что феномен «экспрессия (выражение) человека» - это многоуровневое, отличающееся широтой трактовок и подходов явление, имеющее не просто междисциплинарный статус, а претендующее для его понимания на объединение усилий многих наук.

Данное понятие (выражение человека, экспрессия личности) охватывает, практически, все средства выражения личности, с помощью которых представлены ее образ жизни, отнесенность к определенной социальной страте, группе, культуре.

Первой и очень серьезной заявкой на то, чтобы представить западно-европейскую психологию выражения является объемистый труд под названием «Ausdruckpsychologie». Как следует из него основной предмет психологии выражения - это закономерности выявления на основе внешне данных признаков сущностной природы личности, это изучение выражения как целостно-динамического явления, в котором представлены индивидуальные особенности человека, его актуальные состояния, отношения, его уровень притязаний, ценностные ориентации, стиль жизни и т.д. В такой трактовке понятие «выражение личности» становится в один ряд с такими понятиями, как манера, стиль личности, фиксирующими нечто стабильное, сущностное, отличающее одного человека от другого. Но такое толкование понятия «выражение личности» не является единственным. С нашей точки зрения, более правомерно говорить о нескольких трактовках понятия «выражение личности»: 1) о широкой трактовке, когда рассматривается все «максимальное бытие», представленное во всех внешних проявлениях человека и человечества; 2) о выражении, как категории, охватывающей персональное, личностное

бытие; 3) о выражении, как однотипном проявлении какого - то чувства или отношения, состояния; 4) о выражении как динамическом явлении, соответствующем определенным текущим состояниям, отношениям личности. В результате широкого и узкого толкования понятия «выражение личности» произошло невероятное увеличение спектра тех невербальных средств, с помощью которых «содержание, подлежащее выражению» может быть обнаружено. В зависимости от того, как трактуется понятие «выражение» определяется не только набор изучаемых средств выражения, но и очерчиваются границы передаваемого психологического и социально-психологического содержания личности, формируется отношение к невербальному поведению, как интегратору осознаваемых, мало осознанных и бессознательных состояний, отношений, переживаний, мотивов, установок личности.

Невербальный язык все чаще рассматривается, когда речь заходит о целостном изучении человека, об изучении взаимосвязей духовного, душевного, телесного. В.П. Зинченко[Зинченко, 2005] пишет о том, что на самых ранних этапах онтогенеза – «В золотом веке общения начинает складываться невербальный язык души, позволяющий позднее, почти по А. Фету, сказать душой без слова».

В данной работе, в связи с проблемой соотношения осознаваемых и неосознаваемых компонентов невербального выражения личности, мы будем исходить из трактовки понятия «выражение личности», в основе которого лежат идеи, сформулированные С. Волконским в его книгах «Выразительный человек» и «Человек на сцене». В них он наделяет выразительное поведение человека функцией «выявления внутреннего «я» путем внешнего «я», а сам процесс выражения определяет «как «самоизъявление, при том вечно изменяющееся» [Волконский, 1912, с. 5]. Вслед за ним, мы будем рассматривать «невербальное выражение личности» как внешний невербальный образ Я личности, включающий осознаваемые компоненты («самоизъявление») и неосознаваемые. Совокупность и сочетание этих компонентов (внешнее Я)

выявляет «внутреннее Я», обладает свойством «вечного изменения». Компоненты, создающие эффект «внешнего Я личности», отличаются степенью динамичности и изменчивости, обратимости-необратимости, степенью интенсивности и непосредственности связей с внутренним миром личности. Наименее динамичные – это индивидуально- конституциональные характеристики человека, которые изменяются, как правило, в соответствии с законами биологического развития человека. К среднеустойчивым компонентам внешнего невербального образа Я личности следует отнести все способы оформления внешнего облика, динамика которых сопряжена с гендерно-возрастными, статусно-ролевыми конструктами, стилем эпохи, модой, с принятой в обществе социальной символикой. Наиболее динамичными компонентами выражения личности являются различные элементы и подструктуры выразительного, невербального поведения личности, которые организуются в пространственно - временные структуры и перестраиваются по ходу развития личности, интегрируя ее сознательную и бессознательную сферы. С этих позиций выразительное, невербальное поведение как компонент внешнего образа Я личности, связанный с ее устойчивыми и динамическими подструктурами, всегда выражает, как осознаваемое, так и не осознаваемое самой личностью, выражает постольку, поскольку осознаваемые и неосознаваемые элементы образуют различные системы и подсистемы личности. Взаимосвязь между ними представлена в различных психологических свойствах, качествах и характеристиках личности. Исходя из сказанного, осознаваемые и неосознаваемые невербальные компоненты выражения личности, образующие внешний невербальный образ Я личности, несут информацию о темпераменте, об актуальных психических состояниях, о модальности, знаке отношения к себе и к другому, о желаниях, ценностных установках, о переживаниях и стремлениях личности, о ее социальном и социально-психологическом статусе. Они указывают направление идентификации – отчуждения личности.

Следует отметить, что изменчивость невербальных компонентов внешнего Я, его связь с внутренней структурой личности постулируется во многих работах. Несмотря на обилие рассуждений о взаимосвязях между внешним и внутренним, о невербальных экспрессивных компонентах выражения личности, проблема до сих пор остается мало изученной и порождает повторяющиеся по своему предмету дискуссии. Камнем преткновения, как раз, и становится сочетание таких свойств внешнего невербального Я личности как «самоизъявление» (преднамеренность, осознанность, осмысленность и т.д.) и динамичность, неосознанность, не подвластность экспрессии самому человеку. Поэтому исследователи отмечают, что психологическую суть экспрессивного невербального поведения личности как сложно опровергнуть, так и нелегко подтвердить. Человек несет ответственность за сказанное слово, но не за свое невербальное поведение, которое не имеет безусловных формальных характеристик и остается как бы «неуловимым» как для субъекта, так и для партнера. Иными словами, подвергается сомнению вывод о том, что выразительное, невербальное поведение личности несет ту информацию, которая может быть зафиксирована наблюдателем и которая может получить соответствующую психологическую интерпретацию, что возможно обучение кодированию, самопрезентации с помощью невербального поведения, распознаванию, интерпретации внешнего невербального образа Я личности. В этой связи, довольно часто, обращается внимание на такие способы проникновения во внутренний мир человека, как пронизательность, интуиция, эмпатия, подчеркивается роль бессознательных механизмов познания другого человека, и на второй план ставятся рациональные механизмы понимания и интерпретации личности на основе ее внешнего невербального образа.

Таким образом, в современной психологии накопилось довольно большое количество фактов, свидетельствующих об успешном проникновении во внутренний мир личности, например, в процессе психотерапии, данных, фиксирующих влияние и воздействие невербальных коммуникаций на весь процесс общения. Но, несмотря на это, в работах, преимущественно

фиксируется сам феномен «выявления внутреннего на основе внешнего», но не раскрываются сложные взаимосвязи между осознаваемыми и неосознаваемыми процессами формирования выражения, осознаваемыми и неосознаваемыми компонентами содержания выражения, осознаваемыми и неосознаваемыми механизмами «выявления внутреннего на основе внешнего», т.е. понимания и интерпретации личности.

1.2. Истоки психосемантического и смыслового пространства невербального поведения

Несмотря на огромный интерес к психологии невербального общения и теоретиков, и практиков, на большое количество работ, выполненных исследователями различных теоретических ориентаций, до настоящего времени остаются дискуссионными ряд вопросов. Один из них – это вопрос о психосемантическом, смысловом пространстве невербального поведения, которое рождается в процессе непосредственного взаимодействия. В связи с обсуждением данного вопроса, как правило, рассматривается проблема однозначности-многозначности - «двухсмысленности»- смыслового поля невербального поведения партнеров. Решение данной проблемы включает поиск ответов на вопросы о степени контролируемости невербального поведения субъектами общения, о целенаправленном создании моделей невербального поведения, об осознанном кодировании с помощью невербальных средств внутреннего мира с целью его трансляции в различных ситуациях взаимодействия, с целью самоконтроля и контроля за поведением других людей. Вместе с этими вопросами обсуждается проблема диагностико-информационных возможностей невербального поведения и невербальных коммуникаций, в рамках которой ставится задача выявления и описания паттернов невербального поведения, сопряженных с психологическими и социально-психологическими особенностями личности и ситуаций общения[Ekman,Scherer ,1984,Hall, Bernieri, Carney,2005, Hall, Coats, LeBeau,

2005,Prinsen, Punyanunt-Carter,2009, Yoshimoto , Shapiro, Brie, Gottman, 2005]. Как правило, отвечая на данный вопрос, исследователи приписывают невербальному поведению функцию передачи бессознательных или мало осознаваемых ею состояний, отношений, переживаний, смысловых установок.

Следующий вопрос, неизбежно, появляется в связи с выше обозначенными вопросами и касается механизмов, условий понимания, интерпретации личностных особенностей человека на основе его невербального поведения. Поиск ответов на данный вопрос имеет длинную историю. Один из ответов состоит в том, что человек реагирует на экспрессию другого человека неосознанно, бессознательно, поскольку само невербальное экспрессивное поведение – это неосознаваемый компонент в структуре поведения личности, выражающий ее бессознательное. Другой ответ включает идеи герменевтики. Он фиксирует вывод о том, что человек осмысливает связи, установленные им между внешним и внутренним, и в соответствии с уровнем его развития интерпретирует их, создавая полисемантическое, смысловое пространство невербального поведения.

Таким образом, для того, чтобы рассмотреть проблему психосемантического смыслового пространства невербального поведения необходимо, прежде всего, самоопределиться с ответами на поставленные вопросы, интеграция которых может быть осуществлена с позиций психологии общения и на основе ряда положений психологии смыслообразования [Абакумова, Ермаков, 2007,Асмолов,2001,Доценко,2000,Леонтьев,2005].

Начну с того, что в основе разрабатываемого мной подхода к формированию психосемантического и смыслового пространства невербального поведения лежат представления об общении как особом виде психологической деятельности, результатом которой являются образования и изменения в когнитивной (образы, впечатления, понятия, представления, интерпретации, эталоны, стереотипы и т.д.), в эмоциональной сферах личности (чувства, состояния и т.д.), изменения в области ее отношений и взаимоотношений, в формах поведения и способах обращения к другим людям

[Андреева,1980,Бодалев,1983,Доценко,2000,Панферов,2009]. В процессе общения происходит, как отмечает Г.М. Андреева активный обмен информацией, и его особенность заключается в том, что люди не просто «обмениваются» значениями, но вырабатывают общий смысл, исходя из значимости информации. В результате происходит изменение отношений и взаимоотношений партнеров по общению. Но для «выработки общего смысла» у общающихся должно быть «одинаковое понимание ситуации общения», что затруднено не только различиями в использовании знаковых систем, неизбежными различиями между партнерами, но и тем, что смысл информации, сообщения раскрывается в процессе самого общения, в определенной ситуации взаимодействия [Андреева,1980]. В этой связи смысловое пространство общения формируется в определенных ситуациях общения и зависит от значимости этих ситуаций для партнеров.

Тезис о том, что межличностное семантическое пространство возникает в результате встречи двух субъективных миров, на основе параметров конкретной ситуации взаимодействия подчеркивается в исследовании Е.Л. Доценко [Доценко,2000], который акцентирует свое внимание на том, что совместные смыслы порождаются в результате взаимоотображения различных сторон межсубъектной активности.

Приведенные выше соображения относительно особенностей общения и возникновения его смыслового пространства согласуются с рядом идей, высказанных в психологии смысла. Так, Д.А. Леонтьев [Леонтьев,2005], рассматривая природу смысловых явлений, развивая принцип бытийного опосредования, также подчеркивает, что любые изменения смысла связаны с изменением отношений человека с другим человеком и с миром в целом. Он отмечает, что для изменения смысла необходимо «найти новый контекст». Ядром любого контекста общения является система отношений, которая определяет характер переживаний личности, особенности восприятия действительности, характер поведенческих реакций на внешние воздействия [Асмолов,2001]. Тезис о том, что смысловое пространство может быть

ситуативным, «текущим», изменчивым развивается в работе И.В. Абакумовой, П.Н. Ермакова [Абакумова, Ермаков,2007].

Ситуативно - складывающиеся отношения и их интерпретация в процессе непосредственного общения всегда является лично обусловленной и включает, с точки зрения А.Н. Славской [Славская,1995], все смысловое пространство, по отношению к которому самоопределяется субъект. Иными словами, содержание интерпретации и порождаемые ею смыслы в пространстве общения во многом зависят от того, насколько воспринимаемое сообщение соотносится с системой взаимоотношений субъектов интерпретации, с тем насколько значима для них ситуация взаимодействия. Еще более определено о взаимосвязи между отношениями и интерпретацией в процессе общения высказывается А.Г. Асмолов [Асмолов,2001], считая, что «индивидуализированное отражение, восприятие, понимание» непременно выражает отношение личности к тем событиям и явлениям, объектам, ради которых и вокруг которых разворачивается ее общение, деятельность и являет личностные смыслы.

Исходя из общих положений, приведенных выше, можно сформулировать ряд теоретических выводов, касающихся феномена «психосемантическое смысловое пространство невербального поведения». Вместе с этим, необходимо указать на ряд специфических факторов, которые связаны с особенностями невербального поведения, его интерпретацией и кодированием в общении. Как известно, все компоненты невербального поведения и невербальной коммуникации имеют свою собственную знаковую систему. Дискуссионным является вопрос о том, являются ли невербальные знаковые системы кодами, имеющими определенный спектр значений. Данный вопрос возникает в связи с тем, что в процессе невербального общения необходимо обеспечить единство в овладении и означивании невербальных кодов, иначе, как отмечает Г.М. Андреева, «никакой смысловой прибавки к вербальной коммуникации невербальные системы не дадут» [Андреева,1980, с.113]. С целью обеспечения единства в понимании невербальной информации необходимо

выделение каких-то единиц внутри каждой невербальной системы знаков, но, именно, выделение таких единиц в невербальных системах оказывается главной трудностью.

Во введении к одному из последних номеров журнала по невербальному поведению [Montepare,2014], посвященному рассмотрению современных перспектив изучения невербального поведения, отмечается, что в настоящее время появляется все больше исследований, в которых реализуется функциональный, контекстный подходы к невербальному поведению, подчеркивается необходимость подхода, ориентированного на выявление невербальных «framework», то есть невербальных фреймов и паттернов, которые по сути своей являются схемами. Ссылаясь на исследование М. Л. Patterson, автор введения отмечает, что необходимо в большей мере сосредоточить внимание на исследовании невербального взаимодействия, скоординированного невербального поведения, а не на отдельных действиях, входящих в различные невербальные системы. Данные призывы отражают одну из главных проблем психологии невербального поведения, а именно, проблему фиксации и воспроизведения паттернов невербального поведения, которая долгое время решалась под сильным влиянием лингвоцентрических идей.

В рамках психологии невербального поведения сосуществуют также различные подходы к объяснению взаимосвязей между невербальным поведением и психологическими, социально-психологическими особенностями субъектов общения и всей ситуации взаимодействия. До настоящего времени лидируют два подхода к объяснению этих взаимосвязей. Один из них постулирует и гиперболизирует жесткость связей между невербальным поведением и психологическими характеристиками личности, акцентирует внимание на том, что невербальные экспрессивные средства не осознаются, не контролируются личностью, раскрывают ее бессознательное и не отвечают всем параметрам знаковой системы, но при этом имеют четкие значения. Данный подход особенно часто встречается в исследованиях, связанных с

изучением особенностей распознавания лицевых экспрессий эмоциональных состояний.

Второй подход рассматривает невербальное поведение, как «текст», систему знаков, подчеркивает, что человек осознанно конструирует свое невербальное выражение. В контексте данного подхода утверждается, что невербальные коммуникации – это «выстроенное сообщение», учитывающее различные переменные общения, влияющие на поле его значений. Углубляющийся разрыв между этими двумя подходами к исследованию невербального поведения, в целом невербального общения, заставляет вновь ставить вопрос о природе невербального поведения и его связи с психическим развитием личности, возвращаться к проблеме его измерения, фиксации, кодирования, к рассмотрению роли осознаваемых и неосознаваемых процессов, вновь обращаться к анализу особенностей понимания и интерпретации невербального поведения личности.

Известно, что многие элементы невербального поведения не имеют адекватной им системы записей, поэтому невербальное поведение с точки зрения практических задач фиксации остается неуловимым, вероятностным. Одна из позиций относительно возможностей фиксации и кодирования невербальных коммуникаций представлена в отечественной психологии в работах Е.И. Фейгенберг и А.Г. Асмолова [1989,1994]. Они считают, что «Невербальная коммуникация является преимущественно выражением смысловой сферы личности. Она представляет собой непосредственный канал передачи личностных смыслов». И, исходя из этого тезиса, объясняется «безуспешность многочисленных попыток создания кода словаря, дискретного алфавита языка невербальной коммуникации ...Невозможность воплощения симультанных динамических смысловых систем личности в дискретных равнодушных значениях». В целом, констатируется, что «поиски дискретных, формализованных словарей жестов, телодвижений» обречены на неудачу [Фейгенберг, Асмолов,1989, с. 76] .

Теоретический подход к невербальным коммуникациям, невербальному поведению, как непосредственному выражению в общении смысловой сферы, смысловой позиции личности развивается в исследовании В.И. Екинцева и М.А. Соболева [2004]. Они отмечают, что, «если невербальное выражение представляет собой канал передачи смыслов, то единственной возможностью изучения этого канала является изучение жеста и других компонентов невербального выражения, как выражения смысловой сферы личности» [Екинцев, Соболева, 2004, с.11]. Достаточно подробно в монографии рассматриваются различные классификации жестов и приводится методика «использования ситуации игровой имитации» для исследования жестов. Данная методика позволяет зафиксировать жестовое поведение в различных ситуациях общения. Авторы методики предлагают критерии анализа жестов, балльные оценки, привлекают экспертов. С их помощью осуществляется кодирование экспериментальных данных, т.е. жестов участников исследования, «оценка выраженности смысловой позиции в жестовом выражении, представленности жеста, формы употребления жеста» [Екинцев, Соболева, 2004, с.36]. Можно принять результаты изучения невербального выражения, как выражения смысловой позиции личности, но, во-первых, выражение смысловой позиции редуцировано в данной работе до анализа жестового поведения: нарушается принцип целостности, симультанности невербального выражения. Во-вторых, смысловая позиция личности, выраженная посредством жестового поведения, обнаруживается на основе сочетания дискретных единиц анализа жестов, определяемых экспертами (специально подготовленными). Они - эксперты выступают в роли наблюдателей, кодирующих жестовое поведение. Несмотря на то, что у экспертов проверялся уровень развития социального интеллекта, трудно не предположить, что многие микродвижения были ими не осознаны, а, следовательно, и не зафиксированы. На эту особенность деятельности экспертов, практиков, пытающихся распознать на основе невербального поведения, выражаемые личностью позиции и установки, обращают внимание

многие исследователи. Мы отмечаем данный факт для того, чтобы еще раз подчеркнуть, что как субъект невербального поведения, так и партнер по общению, осуществляя кодирование - интерпретацию, интегрируют осознаваемые и неосознаваемые процессы. Другое дело, что для субъекта невербального поведения, оно является в большей степени симультанным, нерасчлененным, не связанным с какими-то отдельными психическими явлениями, менее осозанным, чем для партнера - наблюдателя - интерпретатора, который вынужден заниматься (спонтанно или целенаправленно, осознанно или неосознанно) созданием «дискретного алфавита языка невербальной коммуникации» и поиском их значений.

Вместе с этим хотим подчеркнуть, что отсутствие общепринятого решения проблемы «невербальный код – единицы анализа- психологическое значение» не мешает говорить исследователям о том, что все системы невербального поведения и невербальной коммуникации помогают выявлять состояния, отношения, намерения и установки партнеров по общению, отмечать, что в динамике смены различных компонентов невербального поведения, в частности, поз участников общения отчетливо проявляются психодинамические характеристики и личностные свойства человека, представлено «эмоционально -аффективное отношение личности к событиям» [Анцыферова,1981, с.155]. Л.И. Анцыферова обращает внимание на тот факт, что активность проявляется в установках всего тела человека, например, в позах внимания, ожидания, тревоги, раздумья и пишет о том, что «В специфике поз, в динамике их смены отчетливо проявляются психодинамические характеристики и личностные свойства человека» [Анцыферова,1981, с.155]. В ее работе рассматриваются два невербальных паттерна, кода эмоционально - аффективного отношения личности. Первый из них характерен для человека, испытывающего напряжение в социальных ситуациях, а второй невербальный паттерн поведения включает движения человека, относящегося с доверием к социальному миру. Центральным комплексом движений, входящих в первый паттерн, являются: охватывание

себя руками, прижатие их к телу, «утаивание» частей тела (убрать руки за спину, прикрыть часть лица, спрятать под стол ноги и т.д.). Специфическими движениями, образующими второй паттерн, являются движения, направленные к партнеру, в частности, «спокойное положение тела, чуть откинута в сторону рука с полуоткрытой ладонью ...» [Анцыферова,1981, с.155].

Из приведенной работы Л.И. Анцыферовой, на наш взгляд, следует, что можно описать набор взаимосвязанных движений, то есть паттерн, невербальный код, соответствующий некоторым эмоционально - аффективным отношениям личности, очерчивающим психосемантическое, смысловое пространство невербального поведения.

Изучение психосемантического пространства невербального поведения в различных ситуациях взаимодействия получает свое дальнейшее развитие в современных исследованиях. Так, очень важными становятся работы, в которых сохраняется целостность, динамичность, непосредственность невербального поведения и создаются его вариативные модели, отличающиеся совокупностью психологических значений. Например, в одной из работ [Jones,2004]обсуждается модель поддержки человека, который нуждается в помощи. В данной модели особое место отводится «непосредственному невербальному поведению» или «невербальной непосредственности» (Nonverbal immediacy NI) того человека, который оказывает помощь. Особая роль невербального поведения в ситуациях «эмоциональной поддержки» сводится, прежде всего, к передаче положительных состояний, любовного, дружеского отношения к Другому. Вместе с этим, автор исследования подчеркивает, что человек, пытающийся поддержать другого, может, не осознавая, передавать отрицательные эмоции и отношения. Кроме этого, «невербальные реплики» актуализируют интерпретацию, эмоциональный опыт переживания заботы, любви, симпатии и теплоты. Но главное, по мнению Р. А. Andersen, L. K. Guerrero, D. B. Buller, P. F.Jorgensen [1998], заключается в том, что «невербальные реплики» задают смысл психологической связи и близости.

В другой работе, посвященной изучению невербальных сигналов ухаживания и выбора партнера [Grammer, Kruck, Juette, Fink,2000], подчеркивается, что одно и то же невербальное поведение может выполнять различные коммуникативные функции и отличаться широтой интерпретаций, которая обусловлена отношениями и особенностями контекста взаимодействия. В этом исследовании было подтверждено, что участники взаимодействия могут использовать такие невербальные стратегии взаимодействия, которые не раскрывают их действительных намерений, помогая избежать обмана со стороны партнера. Кроме этого в анализируемой работе были выявлены невербальные единицы, образующие «модель ухаживания» и был сделан важный вывод о том, что намерения партнера могут быть поняты только при условии восприятия комплекса, взаимосвязанных невербальных сигналов. Отсутствие навыка восприятия невербального поведения как целостного, комплексного явления приводит к возникновению «двухсмысленных» интерпретаций намерений партнеров. Таким образом, указанная работа свидетельствует о том, что намерениям, представленным в невербальном поведении, могут быть приписаны различные смыслы и значения не зависимо от моделей невербального поведения.

Не менее важными для понимания истоков психосемантического и смыслового пространства невербального поведения являются работы [Лабунская, Дроздова,2003, Harrison,1984, Palmer, Simmons,1995], в которых обсуждаются факторы кодирования и степень осознанности процесса кодирования коммуникативных интенций самим субъектом общения. В процессе изучения «кодов интенций присоединения» или, по - другому, проявления склонности к партнеру[Palmer, Simmons,1995], было отмечено, что моделирование невербального поведения предполагает знания о чувствах партнера, о типе социальной ситуации, о том, насколько значим собеседник в контексте достижения поставленных целей, о нормах выражения своей склонности или присоединения к партнеру.

Кроме перечисленных факторов психосемантического пространства невербального поведения, важное место в их списке занимают особенности переживания прошлого опыта общения с тем человеком, которому адресуется невербальное поведение. Если перечисленные условия восприятия и понимания невербального поведения выполняются, то интенции партнеров могут быть правильно интерпретированы, что неизбежно будет способствовать формированию общего смыслового пространства общения и снижению рисков возникновения смысловых барьеров. В указанном выше исследовании [Palmer, Simmons, 1995] сравнивались три показателя: элементы реального невербального поведения, самоотчеты и оценки симпатии, проявляемой партнерами. В результате, было еще раз зафиксировано, что на формирование психосемантического, смыслового пространства невербального поведения значительное влияние оказывает отношение к партнеру (симпатия – антипатия), степень соответствия между реальным и рефлекслируемым партнерами по общению невербальным поведением, между тем, что партнеры хотели бы передать другому и тем, что они реально переживают в конкретной ситуации общения.

Таким образом, приведенные работы позволяют сделать вывод о том, что, как позиция «безуспешности кодирования», размывания поля психологических значений, смыслов невербального поведения, так и позиция жесткости взаимосвязей между «невербальным кодом» и определенными свойствами, качествами личности, ее эмоционально-аффективным отношением к событиям, не предполагающая поиска смыслового единства в понимании невербального поведения партнеров в процессе взаимодействия, отражают не столько различные трактовки невербального поведения, невербальных коммуникаций, сколько фиксируют различные подходы к толкованию интерпретации невербального поведения в процессе общения.

Эти позиции констатируют также то, что невербальное поведение имеет сложную структуру, компоненты которой отличаются возможностями кодирования, а их интерпретация зависит от задач соответствующей

практической деятельности. Данные выводы подтверждают работы [Хансен, Стевик, Уорнер,2000, Ягнюк,2000], выполненные в области психотерапии и подчеркивающие необходимость «практических знаний» о взаимосвязях между невербальным поведением и психологическими особенностями личности. С точки зрения обсуждаемой в нашей статье проблемы, представляют интерес выводы Каган и его коллег (приводится по Хансен, Стевик, Уорнер,2000), сделанные на основе анализа видеозаписей интервью с клиентами. Систематизируя наблюдения, они предложили рассматривать невербальное поведение, учитывая источник невербального поведения, продолжительность невербального поведения, степень его осознания в коммуникативном процессе (осознавание, потенциальное осознание или отсутствие осознания). «Осознавание» означает, что клиент не только знает об этом поведении, но и намеренно использует его. «Потенциальное осознание» наблюдается в том случае, когда клиент мог бы осознать свои действия, если бы обратил на них внимание, но увлеченность беседой не позволяет ему непосредственно осознавать эти действия. «Отсутствие осознания» проявляется в том, что клиент совершенно не осознает свое поведение и не сможет осознать, даже если его внимание будет привлечено к нему [Хансен, Стевик, Уорнер,2000]. Иными словами, в процессе психотерапевтического интервью осуществляется как кодирование, так и декодирование невербального поведения, фиксируются единицы невербального языка, но при этом, сам субъект кодирования может находиться на разных уровнях осознания своего невербального поведения, не воспринимать его отдельные элементы. В этом плане, невербальные коммуникации могут быть интерпретированы как симультанные, недостаточно осознаваемые способы взаимодействия. Но, если стать на позицию консультанта, то для него невербальное выражение личности состоит из моделей, паттернов, включающих совокупность дискретных единиц, появляющихся на различных этапах психотерапевтического интервью и свидетельствующих о конкретных переживаниях клиента, придающих определенный смысл взаимодействию «клиент-консультант».

В психотерапии, принято считать, что невербальное поведение более спонтанно, его труднее контролировать, чем вербальное. Поэтому невербальные средства передают не только то, что человек хотел бы выразить, но и выдают то, что он хотел бы скрыть. В этой связи предъявляются требования не только к уровню развития умений интерпретировать, «читать» невербальное поведение клиента, но фиксировать и распознавать собственные невербальные сигналы. Так, К.В. Ягнюк [2000] на примере деятельности психотерапевта отмечает противоречивость связей между стремлением к открытому невербальному выражению своих чувств и необходимостью воздерживаться от неконтролируемого невербального поведения, которая обусловлена профессиональной деятельностью, предполагающей высокую степень рефлексии относительно невербальных выражений, как партнера, так и своих собственных. Следовательно, в психотерапевтическом взаимодействии мы наблюдаем возникновение особого психосемантического, смыслового пространства невербального поведения, которое формируется в результате сочетания устойчивой рефлексивной позиции психотерапевта и недостаточного уровня осознания клиентом, как своего невербального поведения, так и консультанта.

Таким образом, можно констатировать, что главным источником формирования психосемантического, смыслового пространства невербального поведения является его непосредственная связь с внутренним миром личности и ситуацией общения. Партнеры обращаются к различным «ситуативным ключам» в общении друг с другом постольку, поскольку наблюдаемое, интерпретируемое невербальное поведение есть результат взаимодействия личности и ситуации общения, что приводит к формированию новых смыслов и динамике смыслового пространства невербального общения, к его ситуативности и «текучести» [Абакумова, Ермаков, 2007].

На наш взгляд, понятие «психосемантическое, смысловое пространство невербального поведения» наиболее точно отражает как особенности взаимосвязей между невербальным поведением и многогранными личностными

образованиями, так и зависимость этих взаимосвязей от контекста, ситуации общения, от степени и модальности значимости партнеров друг для друга, сопряженной с рефлексией и переживанием прошлого опыта взаимодействия. Именно совокупность этих переменных направляет поиск смыслов невербального поведения, отражающих возникающие здесь и сейчас отношения между партнерами, их установки, интенции не только к другому, но к самому себе, ко всей ситуации общения.

Исходя из выше обозначенного подхода к невербальному поведению, как полисемантическому явлению, имеющему психосемантическое и смысловое пространство, мы будем рассматривать вопросы формирования невербального поведения, его кодирования и интерпретации.

1.3. Невербальный код и особенности кодирования невербального поведения

История рассмотрения проблемы невербального кода и процесса кодирования свидетельствует о том, что для ее решения необходимо определиться, прежде всего, в том является ли невербальное поведение системой знаков (кодом) в традиционной интерпретации этого понятия. Кроме этого необходимо обратить внимание на тезис о том, что невербальное поведение создает образ человека, что оно его и типизирует и индивидуализирует, отражает не только историю формирования, социализации конкретного индивида, но и общности, к которой он принадлежит. Как известно, невербальные паттерны поведения меняются вместе с изменением человека и социальной общности, их спектр увеличивается или уменьшается под влиянием различных воздействий, особенно, видеокультуры.

В процессе разработки теоретического конструкта «невербальный код» и кодирования мы обращались к поиску ответа, как на традиционные вопросы психологии невербального поведения, так и на те, которые появлялись по ходу

наших размышлений. Традиционным считается вопрос об особенностях кодирования экспрессии.

В наших публикациях [Лабунская,1999,2009] были описаны основные характеристики экспрессии человека, его невербального поведения. В процессе анализа и обобщения этих характеристик, мы неоднократно обращали внимание на то, что направления интерпретаций, понимания самой экспрессии, невербального поведения оказывают существенное влияние на представления о том, что есть невербальный код. В зависимости от толкования невербального поведения ставится или не ставится вопрос о том, являются ли они кодом и каковы возможности их кодирования и выполнения ими знаковых функций. В соответствии с тем, в рамках какой парадигмы выполнено исследование, решается проблема невербального кода, принимается или не принимается исследователем идея о том, что невербальное поведение – это системы знаков, кроме этого по-разному трактуется понятие знак.

Используем с целью рассмотрения понятия «знак» несколько его определений, приведенных в книге Умберто Эко «Знак» (цит. по Жан,2002). Автор на основе анализа статей о знаке, размещенных в весьма солидных и как он пишет «беспристрастных» толковых словарях, различает более 17 толкований «знака». Остановимся на тех интерпретациях знака, которые так или иначе входят в состав элементов выражения человека, указывают на его отличия от других. Знаки – это признаки, отметки, симптомы, например, характерные проявления болезни у того, кто ею страдает. Знаки – это то, что помогает идентифицировать предмет, человека, например, «особые приметы» – родинки, рубцы и т.д. К знакам относятся, констатирует У. Эко, жесты и поступки, проявляющиеся в определенной манере действий, чувств. К знакам принадлежат произвольные движения, с помощью которых можно выразить нечто определенное, например, приказ, желание. Знак – это также специально сделанная отметина на предмете или на теле человека, предназначенная для того, чтобы их можно было узнать. Простые и сложные графические формы, отсылающие к абстрактному предмету (например, астрологические рисунки),

также выполняют функцию знака. Материальное воспроизведение предметов, животных, человека, например, соответствующий им рисунок, – это еще один вид знака. В качестве знака может выступать естественное явление, событие, толкуемое, например, как проявление волшебной силы, знамение, чудо. Наконец, символы, отображающие событие, причину, цель, например, крест, серп и молот, относятся к знакам. Все перечисленные виды знаков делятся, в свою очередь, на естественные и искусственные. Исходя из видов знаков, можно сказать, что экспрессия человека относится, как к естественным, так и к искусственным знакам.

Вместе с этим следует отметить, что существуют значительные разночтения и несовпадения не только в классификациях знаков, но и в определении основных понятий: знака, значения, смысла, символа. В ряде крупных работ синонимично употребляются такие понятия, как выражение, знак, имя или другой ряд понятий: означаемое, концепт, сигнификат или выстраиваются как набор синонимов: денотат, смысл знака, значение знака.

Поэтому во многих исследованиях по семиотике ставится задача либо дать определение, либо выбрать в соответствии с подходом автора, либо ввести новые термины. Например, в работе В. Розина [Розин, 2001] приводится следующая типология знаков: знаки – модели; знаки – символы; знаки – обозначения; знаковые группы; знаковые фигуры; знаковые предметы; знаки – выделения. В результате решения задачи культурно – семиотического осмысления философии и феномена человека он добавил к выделенным типам знаков еще две группы семиотических представлений: семиотические схемы («нарративная схема», «коллективная схема», «приватная схема», «онтологическая схема» и т.д.), семиотический организм (научный, проектный, художественный).

В задачи данной главы не входит разъяснение позиций автора данной типологии знаков. Мы лишь хотим подчеркнуть, что он является сторонником гуманитарного подхода, который, как известно, признает право на

существование различных направлений в семиотике, отражающих ценностную позицию исследователя.

Несмотря на то, что проблема соотношения знака, значения, смысла, объективной и субъективной природы знака решается на протяжении всей истории семиотики, она остается, по – прежнему, остро дискуссионной. Главный вопрос данной дискуссии – это вопрос по поводу степени зависимости природы знака от психики человека, от социально – психологических условий его существования [Щедровицкий, 1967]. Ответы на этот вопрос делят исследователей невербальной коммуникации на несколько групп, крайнюю позицию среди которых занимают те, которые настаивают на «объективной» природе знака и те, которые пытаются любую коммуникативную ситуацию рассматривать как некую знаковую систему и видеть в качестве знака буквально все, что окружает коммуникантов, если это «все» имеет для них смысл, значение и отсылает к какому-то предмету, явлению, объекту и т.д. Иными словами, если человек сознательно использует какой-то объект в качестве знака, то он им становится в конкретной коммуникативной ситуации. Оказывается, что знак не имеет объективных значений, а подчиняется некому ситуативному контексту, мотивам, интерпретационным возможностям участников взаимодействия. Исходя из данной трактовки знаков и их функций, вводятся в психологию невербального поведения такие понятия, как «невербальные ключи», «невербальные намеки», «невербальный фон». Эти явления могут превратиться в знак только при определенных обстоятельствах, главное из них- это сформировавшаяся установка на вычленение из общего потока невербальной информации отдельных элементов и приписывания им значений и смыслов.

Наряду с таким подходом к невербальной коммуникации, как самостоятельной знаковой системе, имеются другие солидные работы, в которых прописаны ограничения в использовании понятия знак в связи с невербальным поведением человека. Эти работы принадлежат к такому направлению, как «невербальная семиотика», включающему учение о жестовых

знаках и жестовом поведении [Крейдлин,2002]. В рамках данного подхода обсуждаются невербальный стиль поведения, «линия поведения», определяемые как стратегия и конкретный набор невербальных кодов (актов). Они выражают позицию, отношения, чувства участников взаимодействия. В качестве примеров «линии поведения» приводятся некоторые ритуалы, например, ритуал вручения премии, ритуал приветствия, ритуал расположения за «круглым столом» участников переговоров. Эти формы взаимодействия, входящие в них невербальные коды, имеют четкое значение, ограниченные им смыслы. Поэтому принадлежность такого невербального поведения к коммуникативным кодам и знакам, практически, ни кем не оспаривается. Обсуждение невербального языка в качестве знаковой системы, трактуемой традиционно, принято в лингвистически ориентированных исследованиях.

В одном из последних словарей языка русских жестов [Григорьева, Григорьев,2001] предпринята попытка описания мимики, жестов, позы человека в качестве единиц единой жестовой системы. Необходимо отметить, что сторонники употребления термина жест как синонима понятий невербальный язык, невербальные коммуникации чаще всего придерживаются принципов лексикографического описания жестов. Они также критикуют различные издания, касающиеся описаний единиц невербального языка, за то, что в них царит неопределенность, неточность, неоднозначность. Поэтому задача «новых словарей» жестов – это описание стабильных форм жестового поведения. Авторы таких словарей предлагают заучивать, запоминать значения жестов. Вместе с этим, в данных словарях [Григорьева, Григорьев,2001, с.14] мы находим указание на то, что жесты коммуникантов (невербальный язык, кинесика) передают сведения о мире, о ментальном, интеллектуальном, о психологических состояниях. Эти сведения передаются с помощью совокупности «кинем», каждая из которых имеет ровно одно значение, следовательно, «совокупность кинем» является полисемантической.

Традиционно, к жестам не относятся, так называемые, физиологические движения. По замыслу авторов словаря [Григорьева, Григорьев,2001] одной из

функций участников взаимодействия является функция интерпретации такого или другого движения в качестве жеста или физиологической реакции. Мы обращаем внимание на этот аспект проблемы кода в психологии невербальных коммуникаций по той причине, что различные компоненты невербального поведения имеют фундаментальную генотипическую базу, а ряд движений могут трактоваться как физиологические действия, например, реакция на боль.

В лингвоцентрированных работах решение данной проблемы осуществляется в рамках заданного контекста. Так, авторы цитируемого выше «словаря» к жестам (в частности к мимическим жестам) относят только те, которые прагматически освоены, имеют общепринятое языковое обозначение, номинации. Но главное, что отличает жестовой, мимический знак от незнаковых физиологических движений - это «способность жестов менять свое значение в географическом и культурном пространстве, а также во времени» [Григорьева, Григорьев, 2001, с.18]. В этой связи следует отметить, что в ряде исследований П. Экмана, К. Изарда и других [Изард, 2000, Ekman, 1984] показано, что значения мимики, лицевой экспрессии практически не меняются под влиянием культурного контекста, что представители различных народов одинаково обозначают лицевую экспрессию базовых эмоциональных состояний, среди которых страх, гнев, печаль, радость. Следует ли из этих исследований, что мимика базовых эмоциональных состояний не является знаком, а относится к физиологическим движениям. В качестве ответа на данный вопрос мы будем придерживаться той точки зрения, что мимика эмоциональных состояний относится к симптоматическим знакам, что их означающим является сама эмоция. В качестве кода выступает лицевая экспрессия эмоциональных состояний тогда, когда применяется намеренно для обозначения соответствующей эмоции в общении. В процессе кодирования экспрессии эмоционального состояния партнеры могут либо совсем не испытывать его, либо испытывать эмоцию в меньшей степени, чем предъявляемая мимика.

Ссылаясь на исследования Г.Е. Крейдлина [2002], мы хотим подчеркнуть, что кодирование экспрессии состояний, отношений – может быть одним из правил невербального выражения личности. Оно включает усиление с помощью невербального кода выражения испытываемых состояний, переживаний или уменьшение их интенсивности, контекстное невербальное поведение, т.е. соответствующее нормам общения, при этом субъект общения может не испытывать необходимых чувств, маскировку с помощью невербального кода одного состояния другим, если этого требует ситуация. Иными словами, кодирование экспрессии в контексте семиотики – это невербальная концептуализация переживаемых чувств, эмоций, отношений в рамках определенных правил.

В качестве иллюстрации к данному выводу можно привести исследования П.Экмана [Ekman,1984]. Из его работ известно, что каждой выражаемой на лице эмоции соответствует комплекс движений, уникальная конфигурация. Исходя из этих фактов, П. Экман и его коллеги создают систему кодирования лицевых выражений FAST [Ekman,1984]. Процесс кодирования включает соединение отдельных частей лица, изображенных на фотографии, с целью создания экспрессии эмоциональных состояний. По аналогии, можно сказать, что процесс кодирования лицевой экспрессии в заданных социокультурных условиях также является процессом создания некой конфигурации мышц лица, соответствующих определенному состоянию.

Такая трактовка процесса кодирования только наполовину отражает позицию автора данной книги. Эта часть представлений о невербальном коде базируется на идеях невербальной семиотики, где четко определены критерии отнесения жестов любого типа к знакам, в частности, постоянно подчеркивается, что они должны замещать, представлять, указывать на что-то, репрезентировать. Но стандартный подход к знакам, кодам, по мнению В. Канке, обладает несомненными слабостями. Он считает, что одним из уязвимых моментов в таком подходе к знакам является то, что здесь незначительно учитывается роль актанта, человека интерпретирующего и

действующего. Кроме значения знак имеет смысл, а он выбирается интерпретатором [Канке,1997,с.35].

«Простой подход» (без интерпретирующей стороны) к определению знака отразился на трактовках кода. В семиотике, традиционно, под кодом понимается совокупность знаков, система символов, при помощи которых информация может быть представлена (закодирована). Код репрезентирует закодированную в нем информацию и в этом смысле выступает в качестве индикатора, симптома, сигнала. В данном определении почти нет места интерпретатору, хотя еще Дж.Д. Пирс считал, что знаком может быть все то, что состоит в некоем отношении со своим объектом и с его толкованием. Действительно, наш мир полон знаками, но их изучение сегодня должно отличаться от тех подходов, которые формировались на заре семиотики, замечает Р.Барт [2002]. По мнению Соссюра, главная задача заключалась тогда в том, чтобы изучать знаки в рамках социальной жизни и таким образом восстанавливать семантические системы предметов: одежды, пищи, образов, обрядов, протоколов, музыкальных произведений и т.п. Но, развиваясь, семиотика столкнулась с другими задачами, среди которых одно из первых мест отводится проблеме наполнения смыслом любых сообщений, порой неясственным, идеографическим, который в современном языкознании, психологии называют «коннатативным». Понятия «смысл» и «значение», по мнению Р. Барта, определяют образ мышления в современном мире. И далее он подчеркивает, что такая детерминация мышления сопоставима только с таким понятием как «факт». Именно оно является мыслительной единицей в позитивной науке [Барт,2002].

Таким образом, если вернуться к тезису о том, что толкование невербального поведения как системы знаков, трактовка самого понятия знак и задач его изучения зависит от парадигмы, в рамках которой выполняется исследование, то необходимо отметить, что в контексте естественно – научного, позитивного подхода к знакам они могут быть представлены как некие «факты», имеющие четкое значение. К этому следует добавить, что

именно такой подход к знакам представлен в многочисленных учебных пособиях по языку телодвижений или невербальным коммуникациям. Такие знаки получают однонаправленные интерпретации и становятся основой профессиональных учебных программ. В качестве симптомов, сигналов (неких фактов) обсуждаются элементы внешнего облика человека. В популярных изданиях приводятся, как правило, знаки в виде различных по сложности графических форм или рисунки человека с каким-то невербальным поведением. Обычно, под этими знаками стоит подпись, указывающая на то, что они означают, и направляющая, ограничивающая их интерпретацию. Главная задача для субъекта состоит в том, чтобы выучить обозначения изображений и затем, увидев в реальной жизни такие знаки, быстро определить их значение.

Еще раз подчеркнем, что попытки ограничить активность субъекта как в процессе создания кода, так и его интерпретации является одной из задач традиционной семиотики. Наряду с ней существует семиология, изучающая функционирование знаков в общественной жизни. В рамках семиологии рассматриваются феномены коммуникации. Они, в свою очередь, определяются как сообщение, построенное на основе конвенциальных кодов или знаковых систем [Эко,1998, с.386]. Необходимо обратить внимание читателей на то, что коммуникативный феномен – это «построенное сообщение», т.е. созданное с помощью кодов, знаковых систем. В этом смысле мы в дальнейшем будем рассматривать феномен кодирования невербального поведения. Он представляет из себя один из коммуникативных феноменов, является в своем конечном результате «построенным сообщением», в качестве базы для строительства выступают экспрессивные коды и системы знаков. Кроме этого кодирование невербального поведения отличает ряд признаков: целенаправленность, преднамеренность, соответствие культурным, коммуникативным нормам. Последнее требование превращается в набор неких правил невербального выражения внутреннего мира личности, указывает на зависимость невербального кода от возраста, пола, от контекста общения, от социального статуса и положения, от отношений партнеров. Иными словами,

при всей универсальности невербальных кодов они в тоже время являются культурно и социально специфичными. Поэтому успешное невербальное кодирование состояний, отношений, намерений предполагает не только формирование навыков целенаправленной и преднамеренной передачи их модальности партнеру, но и формирование умений изменять структуру кода в пределах заданного контекста общения. Именно по этой причине невербальные коды одних и тех же состояний, отношений могут различаться у субъектов общения, по той же причине они с различной успешностью будут «строить сообщение», т.е. передавать посредством совокупности невербальных кодов свои состояния, отношения, намерения.

Процесс кодирования может обсуждаться и как задача наблюдателя, эксперта, получающего информацию. Например, в исследованиях П. Экмана процесс кодирования включал соединение отдельных частей лица, изображенных на фотографии, с целью создания экспрессии эмоциональных состояний тех людей, которые попадали в поле наблюдений. Такой же прием используется, но с применением словесных описаний или готовых изображений, когда требуется создать типичные паттерны невербального поведения политиков. Как в одном, так и в другом случае процесс невербального кодирования состояний, отношений, намерений является относительно целенаправленным, преднамеренным, в определенной мере отвечающим правилам невербального выражения внутреннего мира личности. Как в одном, так и в другом случае для успешного кодирования необходимо обращать внимание на различные аспекты контекста, придающие невербальным кодам некую специфичность.

Таким образом, предлагаемая нами точка зрения, вбирающая представления о природе формирования невербального выражения личности, о соотношении осознаваемых и неосознаваемых компонентов в невербальном выражении личности, состоит в дифференцированном подходе к различным уровням функционирования невербального поведения как кода, как индикатора психологических и социально - психологических характеристик личности,

осознаваемых и неосознаваемых ею. Необходимо учитывать ряд контекстуальных переменных, говорить об устойчивости - изменчивости невербального кода, о жесткости – вариативности его связей с психологическими особенностями личности, о степени осознания элементов его образующих, о мере контроля, исходя из того, какие психологические образования он представляет.

Проведенный нами анализ эмпирических, экспериментальных исследований на основе подхода, сформулированного выше, показал, что, несмотря на то, что работы были выполнены в разное время, с помощью различных технических средств, отличающихся процедурой, задачами и данными, они говорят в пользу того факта, что существуют программы, паттерны невербального поведения, что они соответствуют определенным психологическим и социально - психологическим характеристикам человека, ситуации общения, и, в этом плане, могут быть представлены как коды. Вместе с этим, приведенные в этих исследованиях «невербальные коды» не отличаются свойствами устойчивости и типичности, что является главными характеристиками кода как вида знака.

Из сказанного выше также следует, что невербальное кодирование опирается на ряд способностей, умений, навыков, уровень развития которых во многом зависит от социализации субъектов общения, от условий становления их личности, от тех конкретных задач общения, которые им приходилось решать, иными словами, от их опыта и степени осознанности результатов данного процесса.

Субъект кодирования должен иметь соответствующий экспрессивной репертуар, развитую способность передавать с помощью невербального кода важную для него и других информацию, проявлять способности, базирующиеся на социально - психологической наблюдательности, проницательности, социальном интеллекте.

Сформулированные выше теоретические представления о невербальном кодировании, о факторах, переменных, которые при этом должны быть учтены,

о тех внутренних условиях, которые могут определять успешность кодирования, легли в основу ряда наших эмпирических исследований, которые будут приведены в заключительных главах данной книги.

1.4. Подходы к фиксации невербальных кодов и интерпретации в практической деятельности психолога

Если все перечисленные условия успешного невербального кодирования могут быть (теоретически) учтены в процессе общения, то весьма трудно разрешить проблему «записей» невербальных кодов, выделения единиц анализа. Как известно, многие элементы, характеристики невербального поведения не имеют адекватной им системы записей, поэтому невербальное поведение с точки зрения практических задач фиксации остается неуловимым, вероятностным [Harrison,1984]. Трудности, появляющиеся на пути разработки способов фиксации невербальных кодов, послужили основанием для выражения сомнения относительно «практичности» психологии невербального поведения, а иногда и более суровой оценки ее, как отрасли, не имеющей будущего.

С нашей точки зрения, в процессе решения проблемы фиксации, выделения единиц анализа невербальных проявлений, необходимо дифференцированно относиться к таким явлениям, как невербальное общение, невербальные коммуникации, невербальное поведение. Анализ имеющейся в нашем распоряжении литературы позволяет заключить, что невербальное общение - это такой вид общения, для которого является характерным использование в качестве главного средства передачи информации, организации взаимодействия, формирования образа, понятия о партнере, осуществления влияния на другого человека невербального поведения и невербальных коммуникаций. Из этого определения следует что этот термин объединяет явления различной природы, интегрированности, сложности. Из приведенного определения также следует то, что невербальные средства

являются предметом рассмотрения в различных направлениях психологии общения: как коммуникативный феномен, как предмет социальной перцепции, как вид взаимодействия. В каждом из этих направлений проблема кодирования - интерпретации вместе с оригинальностью звучания приобретает решение, ограниченное рамками задач этих дисциплин. Поэтому, первое, что необходимо сделать практикующему психологу - это разобраться с такими явлениями как невербальная коммуникация, невербальное поведение, невербальная интеракция.

Понятие «невербальное общение» является более широким, чем понятие «невербальные коммуникации», определяя которое, исследователи обращают внимание на то, что невербальные коммуникации представляют систему символов, знаков, жестов, использующихся для передачи сообщения с большой степенью точности, которые в той или иной степени отчуждены и независимы от психологических и социально - психологических качеств личности, которые имеют достаточно четкий круг значений и могут быть описаны как лингвистические знаковые системы [Бутовская,2004, Крейдлин,2002, Harrison,1984].

Проблеме кодирования - декодирования невербальных коммуникаций посвящено достаточно большое количество работ, которые убеждают в том, что конвенциональные, интенциональные, произвольные жесты, телодвижения, позы, выражения лица успешно кодируются и декодируются, следовательно, они имеют разработанные системы фиксации и записи.

Понятие «невербальное поведение» более широкое, чем невербальные коммуникации, но более узкое, чем невербальное общение. В работах различных психологов поведение рассматривается как биосоциальная система, развитие которой неразрывно связано с развитием психики человека. Л.С. Выготский отмечал, что самые тонкие реакции психики есть «не что иное, как особо организованные и особо сложные формы поведения» [Выготский,1982, Т. 1. с. 72], развитие которых представляет «не останавливающийся ни на минуту процесс возникновения новых связей» (там же- с.190), включающих в качестве

социального компонента поведение других людей, а также культурные формы поведения.

Мысль о единстве психики и поведения является центральной при рассмотрении С.Л.Рубинштейном выразительного поведения [Рубинштейн,1940]. Им подчеркивается, что поведение является не просто внешним сопровождением психических процессов, а формой их проявления и существования, оно (поведение) – «воочию представленное и осязаемое данное» [Рубинштейн,1940,с.152-163].

Положение о взаимосвязи развития личности и поведения обсуждается Б.Г.Ананьевым, для которого поведение выступает в качестве «практического взаимодействия с людьми в различных социальных структурах» [Ананьев,1980, Т.2. с.160]. По его мнению, анализ факторов поведения в связи с конкретными условиями жизни «делает принципиально возможным выявление алгоритмов процессов поведения и их приуроченность к определенным результатам внешних влияний и свойств человека» [там же с.14].

Современные социолингвистические, этнопсихологические исследования, работы, выполненные в области психологии эмоций, психологии невербального выражения отношений подтверждают факт существования устойчивых форм поведения (алгоритмов «паттернов») у людей одной эпохи, одного круга, одного уровня культуры. В них представлены сочетания индивидуальных, личностных форм поведения с групповыми, социокультурными.

Таким образом, невербальное поведение является составной частью целостного поведения личности. Как и все поведение, оно представляет культурно-исторический, интерперсональный феномен.

Ядро невербального поведения составляют самые разнообразные движения (жесты, экспрессия лица, взгляд, позы, интонационно-ритмические характеристики голоса, прикосновения), которые сопряжены с изменяющимися психическими состояниями человека, его отношениями к партнеру, с ситуацией взаимодействия и общения.

Если считать, что все элементы невербального поведения входят в структуру кода в качестве динамического ядра, то их анализ (описание) может быть осуществлен в следующих направлениях: степень дискретности – континуальности; степень произвольности – непроизвольности; степень осознанности – неосознанности невербального поведения; степень целенаправленности – нецеленаправленности; степень интенциональности – непреднамеренности; степень определенности – неопределенности; степень абстрактности – конкретности; степень устойчивости – варибельности; степень однозначности – многозначности. Соотнесение крайних позиций на каждой из шкал дают две абстрактных модели невербального поведения личности. Между этими двумя моделями располагается все многообразие форм и паттернов невербального поведения, отличающихся сочетанием вышеперечисленных параметров. Поэтому структура невербального кода может быть описана и проанализирована с точки зрения соотношения в ней экспрессивных движений определенного вида.

Кроме названных параметров невербального поведения личности, участвующих в формировании целостного представления о ее внутреннем мире, являются также важными характеристики, лежащие в основе интегральной оценки невербального поведения: интенсивность, динамичность, симметрия – асимметрия, гармония – дисгармония, типичность – индивидуальность. Разнообразие элементов невербального поведения, быстрота их смены, гармоничность, индивидуальность, соответствие ситуации общения, доступность для отражения партнером свидетельствуют о наличии у субъекта невербальной, экспрессивной одаренности, способности к передаче своих психологических особенностей, своих состояний и отношений. Неопределенный, однообразный репертуар, беспорядочные, судорожные движения говорят не только о том, что человек не владеет «экспрессивным языком души», но и о наличии у него глубоких внутренних конфликтов.

Таким образом, совокупность движений, образующих структуру невербального поведения, представляет из себя целостность, трудно

разложимую на отдельные единицы, где преобладают непроизвольные движения над произвольными, неосознаваемые над осознаваемыми, неинтенциональные над интенциональными, неконвенциональные над конвенциональными. Поэтому невербальное поведение (выразительные движения), как писал философ И.А. Ильин «верно передает душу во всем ее бессознательном и сознательном составе...- передает ...гораздо больше, чем сами сознают и чем могут выразить словами люди» [Ильин,1993, с.131].

Для невербального поведения личности является особенным также и то, что оно частично представлено самой личности. Она не видит напряжения своих мышц, пластики своих поз, экспрессии своего лица [Бахтин,1979]. Партнер по взаимодействию, напротив, может наблюдать за ее невербальным выражением с помощью оптической, тактильно-кинестетической, акустической, ольфакторной систем отражения и формировать психологически многозначный образ о ней, осуществлять рефлексю. Взаимосвязь между различными структурами невербального поведения и системами отражения представлена в [Лабунская,1999]. Казалось бы, что данное ограничение легко снять с помощью зеркала, как одного из инструментов познания своего экспрессивного поведения, своей внешности, привлекая для этих целей множество его модификаций: фотографию, видеозапись, живописный портрет, пародию, в конце-концов, другого человека, группу лиц. «Отзеркаливание» - один из самых распространенных приемов в тренинговых группах - «смотришься как в зеркало в другого человека». Все они дают представление о том, как выглядит внешнее «Я» человека. Однако, по - мнению М.М. Бахтина, смотрение на себя в зеркало (в разных его вариантах) «не может стать непосредственным моментом нашего видения и переживания мира; мы видим отражение своей наружности, но не себя в своей наружности...» [Бахтин, с.31]. Поэтому, любой акт смотрения на себя в «зеркало» сопровождается актом рефлексии, что неизбежно возвращает к мысли о личностном, пристрастном, избирательном отношении к увиденному, то есть к внешности, к экспрессии, к невербальному поведению в целом. Возникшие таким путем «зеркальные

образы» воспринимаются личностью как представления внешности, как ее «внешнее экспрессивное Я», которое видят другие, но которое не совпадает полностью с тем, что действительно чувствует и переживает человек.

Как замечает А.З. Вулис, «зеркало осуществляет по заданию каждого из нас дифференциацию внутреннего и внешнего,.... получая в результате дихотомию: я - и не я» [Вулис, с.14-15]. Исходя из этих фактов, функции «зеркал» не ограничиваются фиксацией внешнего образа личности, они вбирают также реакцию на увиденное и тем самым придают дополнительный штрих к портрету. Новый образ порождает новую гамму невербальных, выразительных движений, что делает процесс формирования «внешнего невербального Я личности» бесконечным, незавершенным и во многом спонтанным.

Социально-психологические функции «внешнего Я личности», его непосредственная представленность другому и отсутствие непосредственного видения человеком своего экспрессивного репертуара порождает массу феноменов, интересных для психологии выражения, самопредъявления и т.д.

В обыденной жизни, в процессе социально-психологического тренинга, социально-ориентированной психотерапии эти феномены начинают раскрываться особенно четко тогда, когда внешний невербальный образ Я личности, экспрессия человека оказывают сильнейшее влияние на жизнь, судьбу, оценку человека другими, на всю систему его отношений, на профессиональные и личные достижения (возрастные кризисные периоды жизни, карьера, любовь и т.д.).

Акцент на вышеприведенных рассуждениях о специфике экспрессии человека и роли в ее познании различных видов «зеркал» сделан не только для того, чтобы подчеркнуть особенности формирования образа «внешнего невербального Я человека», но и для того, чтобы обратить внимание на тот факт, что представленность экспрессии для других и отсутствие ее непосредственной представленности для себя лежит в основе формирования двух типов личностей: первый, крайний тип - это человек, научившийся жить

без стремления к невербальному самовыражению, «без внешнего облика»; второй тип - это человек, осуществляющий эскалацию невербального самовыражения, самопредъявления, человек, «без устали демонстрирующий другим свой внутренний мир». Можно сказать, что в этих двух типах субъектов выражения и предъявления себя представлены крайние формы отношения к себе, и к своей внешности, к идее самопредъявления и самовыражения, к идее формирования своего образа для других, к мысли о том, что мы «воочию представлены», что экспрессия - это язык нашей души, язык нашего самовыражения и самопредъявления.

Отсутствие непосредственной представленности экспрессии самому субъекту не означает, что человеком не зафиксирован факт высоких диагностических возможностей элементов экспрессии (взгляд, позы, мимика и т.д.). И, несмотря на явное преобладание в структуре экспрессии мало осознаваемых невербальных паттернов поведения, человек использует выразительные движения не только в соответствии с их главной функцией выражать, но и применяет их с целью маскировки его действительных переживаний и отношений. Без таких целенаправленно используемых «экспрессивных масок» трудно представить процесс социализации и вхождения личности в культуру. Социокультурная разработка этих «масок» осуществляется, как правило, в направлении отбора совокупности движений, делающих поведение человека социально-приемлемым, успешным, привлекательным. Вместе с этим, следует отметить также и то, что «окультуривание телесности - превращение природных предпосылок человеческого существования в универсальные орудия и знаки...превращение в своеобразный текст, ступок социальной памяти» [Гищенко,1990,с.44], не есть единственная функция данного процесса. «Окультуривание экспрессии», является одним из механизмов контроля не столько над телом человека, сколько над его личностью.

С точки зрения одного из известных исследователей невербальных коммуникаций А.Шефлена [Schefflen,1972] любой элемент экспрессии (от позы

до контакта глаз) существует для того, чтобы установить, сохранить, ограничить отношения между взаимодействующими людьми. Поэтому заинтересованные общественные институты ведут не просто разработку требований к экспрессивному поведению человека, а осуществляют с его помощью трансляцию социально-желаемого спектра черт, состояний, отношений, которые должны иметь четкое внешнее выражение и, благодаря этому, легко диагностироваться окружающими. Перечень этих черт может меняться в различные исторические эпохи, он может быть различен для разных социальных групп. Например, на протяжении долгого времени, «настоящим» человеком был тот, кто отличался действенностью, упорством, стойкостью, мужеством, у него должны были быть простое лицо с крупными чертами, большие руки, широкие плечи, массивная фигура, белозубая улыбка, прямой взгляд, четкий жест и т. д. Все те, кто в силу природных обстоятельств или условий воспитания не соответствовали этой экспрессивной модели, рисковали прослыть «гнилыми интеллигентами».

Описание различных «экспрессивных масок» можно найти в книгах по культуре поведения, в «наставлениях» по актерскому мастерству, в трактатах о живописи. Анализ такого рода работ показывает, что предлагаемая экспрессивная модель должна соответствовать социальным ожиданиям, в ней должны быть представлены идеологические запросы времени, нравственно-этические требования к личности. Всем известно, что скромный человек «должен иметь склоненную голову и опущенные глаза». Благодаря социальной функции, экспрессия человека влияет на формирование его аффективных реакций, на развитие у него умения нейтрализовать социально-неприемлемые способы поведения (например, агрессию), что приводит к усилению контроля над невербальным поведением, повышению степени его осознания. Но как бы успешно человек не применял «невербальные маски», действительные переживания, непременно, заявят о себе в неконтролируемых и неосознаваемых комплексах движений, иными словами, в невербальном коде будут всегда находиться в сложных отношениях осознаваемые и неосознаваемые

невербальные элементы, интегрирующие или противопоставляющие осознаваемое и неосознаваемое самой личностью.

Невербальное поведение неотделимо от личности. Оно индивидуально и неповторимо настолько, насколько индивидуальна и неповторима сама личность, оно осознаваемо и неосознаваемо настолько, насколько осознаваемо и не осознаваемо все то, что определяет личность.

Исходя из этих характеристик невербального поведения, оно в отличие от невербальных коммуникаций является более сложным явлением и, именно, в связи с ним чаще всего обсуждается проблема фиксации невербальных кодов, проблема точности и адекватности их интерпретации. Практическое решение данных проблем затруднено особенностями самого феномена «невербальное поведение»: его многокомпонентностью, разноуровневостью взаимосвязей между ними, огромным разнообразием тех факторов, которые влияют на формирование невербальных кодов и их интерпретацию.

Далее, исследователями, считающими, что невербальные коды поддаются фиксации, применяются разнообразные методические приемы, в основе которых лежит процедура наблюдения, дополненная различными способами фиксации: вербальное описание движений, пиктограммы, рисунки, фото-кино-видеозапись. Существующие методы («кадр за кадром», структурно - лингвистические, описания - рисунки) неизбежно приводят к превращению невербального поведения, целостного, объемного, подвижного, разворачивающегося во времени, в плоское, фрагментарное, застывшее явление. Действительно, в результате многолетней работы были созданы вербальные, графические, цифровые коды различных компонентов невербального поведения и соответствующие им способы кодирования. Из данных экспериментальной психологии невербального общения, приведенных в обобщающих работах [Ambady, Weisbuch, 2010, Ekman, Friesen, 2003, Prinsen, Punyanunt-Carter, 2009; The new handbook of Methods in Nonverbal Behavior Research], следует, что различные отношения личности, ее эмоционально - аффективные реакции, состояния, некоторые индивидуально - личностные

образования имеют достаточно четкий невербальный код и поэтому успешно интерпретируются участниками взаимодействия. Наряду с этим, необходимо отметить, что любая запись, любой рисунок, фотозаталон - это статика, а невербальное поведение динамично, в «коде» любого типа опускаются нюансы, следовательно, он дает весьма обобщенную информацию.

К этим замечаниям следует добавить также и то, что основным критерием, который используется исследователями с целью определения повторяющихся невербальных движений, выступает частота их появления в различных контекстах общения и интенсивность. На основе этих параметров, как пишет П. Булл [Bull,1984], установлено, что тревожные люди больше двигают руками, у них короче и быстрее взгляд, улыбка появляется реже, чем у спокойных и уверенных людей. Человек, находящийся в состоянии депрессии низко опускает голову, избегает контакта глаз. Экстраверты и интроверты различаются частотой и интенсивностью невербальных движений. Первые склонны более пристально смотреть на партнера, они больше смеются, чем вторые. Женщины чаще, чем мужчины смотрят на своего партнера, улыбаются. Все эти сведения получены в процессе сравнения невербального поведения различных групп людей, образованных экспериментатором на основе того или другого критерия. В силу этого факта их индикативная ценность очевидна тогда, когда практикующий психолог имеет возможность долгое время наблюдать невербальное поведение конкретного человека или группы лиц, когда он может его сравнивать с поведением других людей или групп. В противном случае, некоторые характеристики невербального поведения он не сможет закодировать как устойчиво - повторяющиеся, так как их смысл становится понятным только в сравнении с другим человеком (экстраверт - интроверт, спокойный - тревожный). Но даже, если возможно длительное наблюдение за поведением человека, его сравнение, то практикующего психолога не могут в полной мере устраивать такие критерии, показатели невербального поведения, как «больше – меньше», «чаще – реже», «интенсивнее». Для того чтобы они были использованы в практической работе,

необходимо иметь некую точку отсчета для оценки невербальных движений как устойчиво повторяющихся. Иными словами, описать какие - то усредненные показатели. Именно такого рода описания имеют место в учебных пособиях по «языку тела». Как только практикующий психолог начинает ими пользоваться, он деперсонифицирует человека.

И, наконец, при всей значимости исследований, приводящих способы фиксации невербальных кодов и вербальные, визуальные презентации этих кодов, они не могут быть использованы каждым практикующим психологом. Дело все в том, что правильное применение процедур кодирования (фиксации) напрямую зависит от степени обученности психолога - практика, от уровня развития у него умений выделять необходимые признаки, устанавливать связи между ними и переводить их в иную систему записи, чаще всего, неадекватную природе невербального поведения личности.

Одной из важных попыток совместить в процессах кодирования - интерпретации невербального поведения его природу и особенности общения, учесть индивидуально - личностный потенциал субъекта кодирования - интерпретации является работа П. Булл [Bull,1984], в которой ставится задача определить влияние естественных коммуникативных ситуаций на выполнение невербальным поведением его индикативных функций. В рамках данного подхода главными факторами превращения невербального поведения в объект кодирования - интерпретации являются коммуникативная задача, ее значимость для партнеров и, соответственно, коммуникативная установка или доминанта на невербальное поведение партнера.

Не трудно заметить, что при таком рассмотрении проблемы «кода» внимание исследователей переключается с анализа единиц фиксации и способов их кодирования на определение роли ситуативных, субъективных факторов в актуализации процессов кодирования. Несмотря на этот акцент, уводящий в сторону от традиционного решения проблемы «кода», является важным для практической психологии указание на роль направленности

(установки) личности на активное кодирование (фиксацию, выделение единиц невербального поведения) и интерпретацию невербального поведения.

Кроме этого, исследователи паттернов невербального поведения, составители схем фиксации невербальных кодов сталкиваются с трудностями при определении «границ» кода и его соответствия этапам общения. Им не удается выработать простые способы фиксации динамичного невербального поведения, отследить микродвижения без помощи специальных средств наблюдения, технических приемов. Именно они оказывают влияние на подсознание наблюдателя и обуславливают психологическое содержание интерпретации невербального поведения личности.

Таким образом, несмотря на наличие достаточного количества описаний различных кодов, паттернов невербального поведения личности, в них зафиксирована совокупность элементов, которая имеет широкое поле психологических значений. Наряду с этим фактом психолог - практик столкнется также с тем, что имеющиеся записи единиц движений или их совокупностей составлены на основе изучения отдельных компонентов невербального поведения (кинесики, такесики, проксемики), или их подструктур, что требует от него умения совмещать различные коды с целью создания целостного представления о личности. Более того, на пути его практической деятельности возникнет преграда, которая до сих пор не преодолена психологией невербального поведения: с помощью разработанных систем записей он сможет фиксировать отсутствие или присутствие того или иного комплекса движений, но не сможет зарегистрировать их качество (например, фальшивая, жалкая, счастливая улыбка). Поэтому большинство разработанных кодов не только не соответствует в полной мере наблюдаемому невербальному поведению, но и тому образу, который возникает у субъекта познания, тому, что он фиксирует как осознанно, так и неосознанно.

Из проведенного анализа выполненных работ следует, что при всем многообразии подходов к поиску единиц фиксации невербальных кодов и способов их описания сложился ряд ограничений, затрудняющих поиск

однозначных ответов по поводу кодирования невербального поведения и точности его интерпретации в межличностном общении. Первое из них может быть обозначено «индивидуалистической» редукцией: в качестве стимульного материала в исследованиях используются, главным образом, отдельные элементы невербального поведения, что не позволяет сделать выводы о том, как же будет развиваться процесс интерпретации, если в качестве объекта восприятия будет выступать динамичное, симультанное невербальное поведение личности.

Во - вторых, имеет место редукция, которая обозначена исследователями как «лингвоцентризм», смысл которого в придании невербальному поведению статуса лингвистической системы, соответствующей вербальному языку. При таком подходе к невербальному поведению процесс его интерпретации сводится к кодированию - декодированию невербальных сигналов, к составлению каталогов кодов, «паттернов» невербального поведения, соответствующих тем или иным состояниям, отношениям личности. Процесс обучения декодированию превращается в заучивание различных комплексов движений и их значений. Данный подход не выдерживает критики, прежде всего, потому, что он мало учитывает разнообразные составляющие процесса общения и противоречит природе невербального поведения, его основным характеристикам.

В - третьих, наблюдается «психологическая» редукция, смысл которой в поиске исследователями только собственно психологического содержания интерпретации невербального поведения (эмоции, состояния) и в недостаточном внимании к невербальному поведению, как показателю социально-психологических свойств личности, ее смысловых позиций. В связи с этим ограничением формируются не полные представления об индикативных возможностях невербального поведения, о многоуровневой интерпретации невербального выражения личности.

В- четвертых, вследствие первых трех ограничений, существует «социально-перцептивная» редукция, заявляющая о себе в сведении процесса

интерпретации невербального поведения к установлению жестких связей между эмоциями и мимикой, между эмоциями и позой и т.д.

В- пятых, основные характеристики приписываются процессам интерпретации и понимания, исходя из работ, исследующих познавательную сферу личности в контексте предметной деятельности, и не учитывая в полной мере особенностей функционирования познавательных процессов в области общения, межличностного познания. Известно, что в гуманитарных науках термин «интерпретация» определяется, чаще всего, как толкование, трактовка и в этой связи само явление «интерпретации» наделяется субъективностью, пристрастностью, редукцией к личному опыту [Бабушкин,1986,Панферов,2009,Рябова,1985]. Интерпретационная деятельность рассматривается как персонифицированный процесс, базирующийся на личностном знании, с ярко выраженным оценочным компонентом. В социальной психологии также отмечается включенность процесса интерпретации в межличностный контекст, опосредованность его той системой отношений, которая сложилась в диаде, группе. Учитывая эти общие характеристики интерпретации, одной из первых задач обучения кодированию - интерпретации невербального поведения личности является задача актуализации личностного знания, тех смысловых связей, которые сложились у субъектов интерпретации невербального поведения.

Такие особенности интерпретации, как пристрастность и зависимость ее содержания от компонентов общения и совместной деятельности порождают массу дискуссий, предметом которых является вопрос о правомерности использования в связи с феноменом интерпретации таких характеристик, как точность, адекватность и т. д. На наш взгляд, в связи с проблемой интерпретации невербального поведения личности данный вопрос может быть снят, если ориентироваться на то, что в реальном общении, практическом взаимодействии объектом интерпретации становятся различные проявления личности и с этой точки зрения она является в психологическом плане многоуровневой и многозначной, постоянно изменяющейся и развивающейся

как и само невербальное поведение, сопряженное с развитием личности. Вместе с этим, в результате интерпретационной деятельности у субъектов общения формируются интерпретационные гипотезы, интерпретационные установки, интерпретационные матрицы, схемы [Лабунская,1999], которые выступают в роли «акцептора действия», а сама интерпретация становится все более осознанным актом, приобретающим черты образа - представления, с разной степенью дифференцированности, обобщенности, устойчивости. Актуализация этих представлений, интерпретационных схем направляет процесс интерпретации и оказывает влияние на его точность и адекватность, на уровень понимания - непонимания невербального поведения личности, на степень сосредоточения внимания на различных компонентах невербального поведения.

Следует ли, исходя из тех ограничений, трудностей, которые обнаружены в результате изучения проблемы соотношения осознаваемых и неосознаваемых компонентов невербального выражения личности и сопряженной с ней проблемой кодирования-интерпретации невербального поведения, отказаться от использования в практической работе тех невербальных кодов, которые приведены в различных пособиях по «языку тела»? На наш взгляд, положительный ответ на поставленный вопрос правомерен тогда, когда процесс кодирования рассматривается так, как это принято в лингвистике, математике, где обращается внимание на целенаправленность, осознанность операций, точность, адекватность единиц фиксации, обеспечивающих создание кода, его соответствие определенным психологическим явлениям. Ответ на поставленный вопрос может быть отрицательным, если относиться к невербальному выражению личности, к ее невербальному поведению как к динамическому образованию, включающему осознаваемые и неосознаваемые элементы. В рамках данного подхода к проблеме кодирования многие противоречия, выявленные в процессе исследования невербальных кодов, превращаются в их характерные особенности, среди которых психологическая и социально - психологическая многозначность и подвижность совокупности

тех движений, которые образуют невербальный код, различная степень их осознания.

Самоопределяясь в отношении возможностей кодирования невербального выражения личности, необходимо признать: 1) уникальность невербального языка и то, что он является не «языком тела», а «языком души»; 2) неизбежность существования противоречий между невербальным выражением и его психологическим содержанием; 3) постоянную изменчивость способов невербального выражения; 4) зависимость успешности кодирования от умения человека адекватно выражать свои переживания, от уровня сформированности у него навыков кодирования различных подструктур невербального поведения, от профессиональной установки на него, как на специфическую знаковую систему, меняющую свои характеристики в соответствии с видом невербальной информации и не являющейся в прямом смысле кодом; 5) включенность процессов интерпретации в создание невербального выражения личности и в его понимание в ситуациях взаимодействия.

Если следовать этим правилам кодирования невербального поведения личности, то многие изображения невербальных кодов и их описания, могут стать базой для обучения кодированию - интерпретации при условии отношения к ним, как к кодам - паттернам, психологическое значение которых изменяется в соответствии с изменением соотношения движений, степени их осознания, направленности, интенсивности выраженности, временной структуры и места в системе целостного невербального поведения личности.

В основе обучения кодированию - интерпретации невербального выражения личности должно лежать формирование направленности на него как на важнейший источник информации о внутреннем мире личности, раскрывающий не столько осознаваемый, сколько неосознаваемый, неконтролируемый мир человека, его смысловые позиции и установки. В качестве необходимого этапа обучения выступает возникновение устойчивого когнитивно - эмоционального образования - доверия к невербальному поведению, как полифункциональной системе общения, дающей различную

информацию о личности. Не менее важной основой обучения является формирование отношения к интерпретации невербального поведения как к творческому процессу, включающему как рациональные, так и иррациональные компоненты, формирование готовности к изменению сложившихся интерпретационных схем, если они затрудняют адекватное понимание невербального поведения.

Таким образом, в процессе практической деятельности психолог попадает в весьма сложную ситуацию. С одной стороны подвижные и неустойчивые связи между невербальным поведением и психологическими особенностями личности, включающие осознаваемые и неосознаваемые компоненты структуры личности, с другой стороны, постоянно изменяющийся контекст общения, с третьей стороны, сложившиеся интерпретационные схемы, направляющие процесс интерпретации и влияющие на адекватность понимания, но также недостаточно осознанные субъектом познания. Поэтому процесс обучения кодированию - интерпретации невербального поведения личности превращается в творческий процесс, направленный на выявление и реконструкцию не всегда очевидных психологических и социально – психологических особенностей личности, ее смысловых позиций, на установление всей иерархии связей между невербальным выражением и различными внутренними структурами личности.

Одним из практических приложений развиваемого нами подхода является создание ряда методик, направленных на диагностику содержания интерпретации невербального поведения и оценку адекватности кодирования лицевой экспрессии.

Раздел 2. Методы диагностики и развития способности к интерпретации невербального поведения

2.1. Диагностика сложившихся интерпретационных схем и уровней интерпретации невербальных кодов

В этом разделе монографии представлен вариант применения «Методики свободной семантической оценки невербального поведения» [Лабунская, 1999] с целью определения типов «интерпретационных схем» различных невербальных кодов, сложившихся у широкого круга специалистов, особенно, у практикующих психологов. Для повышения уровня осознания сформировавшихся «интерпретационных схем» необходимо на первом этапе осуществить самодиагностику сложившихся интерпретационных схем, а на втором этапе привлечь к исследованию людей, принадлежащих к профессии «человек-человек» (психологи, педагоги, врачи, менеджеры, юристы и т.д.).

Методика «Свободной семантической оценки невербального поведения»

В основу разработки методики положены следующие теоретические положения: 1) о различных индикативных и функциональных возможностях невербального поведения и невербальной интеракции; 2) о невербальном поведении как личностном образовании, свидетельствующем о действиях, состояниях, интеллектуально-волевых процессах, качествах личности, ее отношениях, формах взаимодействия с другими людьми, статусе, социальной роли; 3) о невербальном поведении как полисемантическом явлении, интерпретация которого должна не только отражать социально-фиксированные формы значений, но и включать их индивидуальные варианты; 4) о наличии в структуре интерпретации невербального поведения как когнитивных (содержательных), так и эмоционально-оценочных суждений; 5) о различных способах интерпретации невербального поведения и общения; 6) о «вербальном

значении» как константном психологическом образовании, которое выражает осознанный опыт установления связей между невербальным поведением и психологическими, социально-психологическими характеристиками личности и группы.

В отличие от большинства методов, применяемых для диагностики опознания, понимания, интерпретации невербального поведения, данная методика включает изображения индивидуального экспрессивного поведения и невербальной интеракции, их элементов (поза, мимика, жест).

Список «психологических значений», предназначенный для осуществления визуальной диагностики невербального поведения, не задается. С помощью такого приема снимаются ограничения в выборе психологических значений невербального поведения и выясняются те психологические значения, которые актуализируются спонтанно, отражают опыт индивида по установлению связей между невербальным поведением и психологическими особенностями личности. Поэтому методика и получила название «Свободной семантической оценки невербального поведения». Основное ее назначение - вскрыть структуру и содержание психологической интерпретации индивидуального экспрессивного поведения и невербальной интеракции, определить типы интерпретационных схем и установить уровень их дифференцированности и сложности.

Методика состоит из четырех серий фотоизображений невербального поведения [Лабунская,2009]. Каждая из них включает шесть изображений, отличающихся индикативными возможностями. Первая серия— «позы»; вторая— «позы, жесты, мимика»; третья— «мимика» (мужской и женский вариант); четвертая— «невербальная интеракция». Вторая серия условно названа «индивидуальное экспрессивное невербальное поведение», четвертая обозначена «диада — группа»; первая и третья серии фотоизображений экспрессии отражают отдельные элементы экспрессивного репертуара человека. Первые четыре позы взяты из книги А. А. Бодалева «Восприятие человека человеком», а пятая и шестая позы созданы по аналогии; третья серия

включает изображения мимики, полученные в лаборатории П. В. Симонова. Вторая и четвертая серии составлены на основе книги А. Пиза «Язык жестов».

Предлагаемый вариант методики прошел психометрическую проверку. Эксперты в количестве 150 человек работали с каждой из серий методики. Им предлагалось представить, что изображенные люди являются их партнерами по общению, и ответить на вопрос: «Что означает невербальное поведение изображенных на картинке людей?» Фотоизображения предъявлялись в виде слайдов, время экспозиции колебалось от 20 до 30 секунд, на запись ответов отводилось 30—40 секунд. Время трансляции изображений, как и время записи ответов, было отработано в предыдущих исследованиях. Такое время позволило выявить те связи, которые сформировались у субъекта и имеют устойчивые вербальные значения. Ответы экспертов анализировала группа психологов в составе 5 человек. За единицу анализа ответов принималось суждение (вербальное значение), относящееся к конкретным психологическим и социально-психологическим явлениям: действиям, состояниям, качествам личности, социальной роли, статусу, отношениям, формам взаимодействия. В результате ответы 150 человек, принявших участие в экспертизе на соответствие невербального поведения психологическим и социально-психологическим характеристикам личности и группы, обрабатывались пять раз. В матрицу обработки данных вошли только те суждения (вербальные значения экспрессии), которые в 75—100% случаев относились психологами-экспертами к определенным психологическим или социально-психологическим характеристикам личности и группы. На основе этих данных были составлены эталонные поля психологических значений или «интерпретационные схемы». В центре «интерпретационных схем» находятся психологические значения, имеющие высший ранг; второй и третий круг образуют значения, ранги которых достоверно отличаются как от рангов значений, составляющих ядро, так и от находящихся на периферии. Иными словами, чем дальше «круг значений» от центра «поля», тем ниже вероятность появления входящих в него значений в момент восприятия невербального поведения. Устойчивость

«интерпретационных схем», «полей» психологических значений невербального поведения была проверена при повторном опросе экспертов (60 человек) через месяц после первого участия в эксперименте. Коэффициент устойчивости оказался равен 0,80. Следовательно, можно считать, что каждый вид невербального поведения актуализирует определенную «интерпретационную схему», определенное «поле» психологических значений, в пространстве которого размещаются различные психологические характеристики личности и группы.

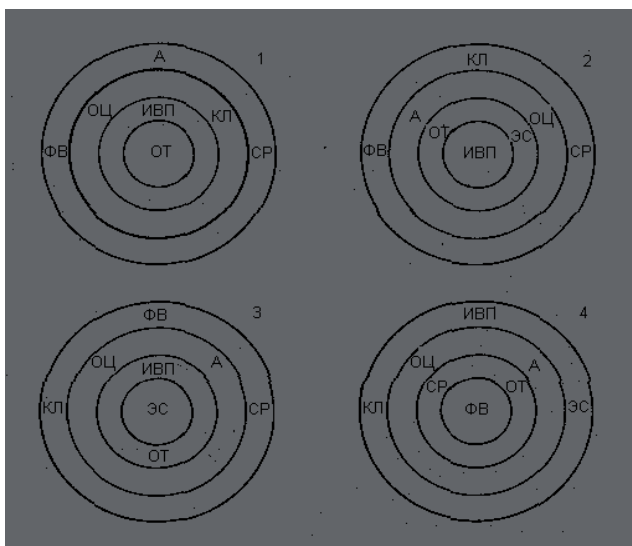

Рис. 1. Схема «полей» психологических значений невербального поведения: 1 — «поле» психологических значений поз человека; 2 — «поле» психологических значений индивидуального невербального поведения; 3 — «поле» психологических значений мимики; 4 — «поле» психологических значений невербального поведения диады, группы. Д — действия; ЭС — эмоциональные состояния; ИВП — интеллектуально-волевые процессы; КП - качества личности; ОТ - отношения; ФВ- формы взаимодействия; СР - социальный статус, роль; ОЦ - эмоционально-оценочные суждения.

Результаты математической обработки свидетельствуют о том, что индивидуальное невербальное поведение и невербальная интеракция выполняют различные индикативные функции. Эти два вида невербального поведения являются различными объектами психологической интерпретации и в соответствии с их семантическими «полями» указывают на два уровня интерпретации: психологический уровень и социально-психологический.

Иерархия психологических значений каждого вида невербального поведения отражает его полифункциональность и свидетельствует о наличии ведущих функций. В зависимости от вида кинесико-проксемических компонентов невербального поведения поле его психологических значений переструктурируется.

Эталонные «поля» психологических и социально-психологических значений различных видов невербальных кодов приводятся на рисунке 1. На основе этих «эталонов» интерпретации невербального поведения необходимо проводить сравнение выявленных интерпретационных схем по таким критериям как дифференцированность, сложность, уровень. Объем «поля» психологических значений составляет семь единиц. Использование с целью интерпретации различных по своему психологическому значению категорий указывает на сложность (объем интерпретации) и дифференцированность: «психологические значения» относятся к различным структурам и подструктурам личности и свидетельствуют об уровнях интерпретации: психологический и социально-психологический.

Результатом интерпретации позы человека становятся определения его отношений к себе и другим, интеллектуально-волевых, эмоциональных состояний. Позы чаще, чем другие визуальные средства диагностики провоцируют эмоционально-оценочные суждения.

Мимика как средство визуальной диагностики имеет широкий круг психологических значений, отражающих различные нюансы эмоциональной сферы человека и его отношений к другим людям. Целостное индивидуальное экспрессивное поведение как средство визуальной диагностики с одинаковой вероятностью актуализирует психологические значения, относящиеся к интеллектуально-волевой и эмоциональной сферам, к системе отношений личности.

Невербальная интеракция как средство визуальной диагностики служит показателем форм взаимодействия, статусов, ролей и отношений между участниками группового взаимодействия.

Способы интерпретации невербальных кодов поведения выделялись на основе главных параметров общения: средства, ситуация, партнер. Первый способ называется: «способом интерпретации с опорой на речевое поведение»; второй - «способом интерпретации с опорой на анализ ситуации общения», третий назван «способ интерпретации с опорой на стимул».

К первому способу интерпретации относятся все ответы, в которых изображенный человек наделяется речевым поведением. Например, все высказывания от первого лица: «я вам еще покажу», «ну, что вы от меня хотите?», «я люблю вас» и т. д. Второй способ интерпретации заключается в указании на место действия, условия общения, его контекст: «смотрят телевизор», «встретились на собрании», «сидят у кабинета зубного врача». Третий способ интерпретации раскрывается в обращении к стимулам, причинам, породившим индивидуальное невербальное поведение или невербальную интеракцию. Например, «получил из дома плохое письмо», «девушку обидел молодой человек», «ему сообщили, что начальник злой», «опоздал на работу» и т. д.

В процессе работы над ответами экспертов обнаружилось, что они не только соотносят невербальное поведение с психологическими и социально-психологическими особенностями человека, но и выражают личное отношение к увиденному человеку. Иными словами, включают в содержание интерпретации невербального поведения эмоциональные, оценочные суждения («красивое лицо», «урод какой-то», «убить его надо» и т. д.). Эти суждения были выделены и внесены в отдельную, 11 графу, получившую название «эмоционально-оценочные суждения».

Инструкция к выполнению заданий, вошедших в «Методику свободной семантической оценки невербального поведения»: «Вы видите перед собой альбом (слайды) с изображением мимики, позы, жестов и их сочетаний — одного человека и группы людей. Ваша задача — определить, что они означают для вас в ситуации общения. Помните, что на каждое изображение можно дать несколько ответов. «Плохих» и «хороших», «правильных» и «неправильных»

ответов при выполнении данного задания не бывает. Итак: «Что означают для Вас в общении эти позы?» Вопрос повторяется при переходе участника исследования к следующей серии. Например, «Что означает для Вас в общении эта мимика?»

В рамках выполняемого психодиагностического задания эти вопросы вы задаете самому себе, а на следующем этапе привлеченным к исследованию практикам.

Ваши ответы и ответы участников исследования анализируются в трех направлениях:

- 1) устанавливается круг психологических значений невербального поведения;
- 2) выделяются способы интерпретации невербального поведения;
- 3) определяются эмоционально-оценочные суждения, свидетельствующие об отношении субъекта диагностики к человеку с определенным невербальным поведением.

С помощью контент-анализа ответов, осуществляемого на основе выделенных психологических значений невербального поведения, ключевые слова текста ответов подчеркиваются и заносятся в соответствующую графу таблицы – бланка для заполнения ответов. Таблица составляется на каждого участника отдельно и включает одиннадцать разделов. Семь из них - это психологические и социально-психологические значения невербального поведения: 1) действия; 2) состояния; 3) интеллектуально-волевые состояния; 4) качества личности; 5) отношения; 6) формы взаимодействия; 7) статус, роль. Затем помещаются сведения о способах интерпретации: 8) «способ интерпретации с опорой на речевое поведение»; 9) «способ интерпретации с опорой на анализ ситуации общения», 10) «способ интерпретации с опорой на стимул». Завершается таблица 11-м разделом—«эмоционально-оценочные суждения». Ответы суммируются по каждой серии изображений невербального поведения, по каждому критерию контент-анализа.

В графу 1 заносятся те суждения (психологические значения), которые характеризуют действия человека (махнет, положил, опирается, закрыл, стоит, бежит и т. д.). В графе 2 фиксируются суждения (психологические значения), относящиеся к эмоциональным состояниям человека (радость, страдание, страх, гнев, отвращение). В 3 графу вносятся суждения об интеллектуально-волевых характеристиках изображенного человека (внимательно слушает, думает, сосредоточен, что-то замышляет, раздумывает, соображает и т. д.). В 4 графе отмечаются суждения о чертах, качествах личности (трудолюбивый, аккуратный, чувствительный, самовлюбленный, небрежный и т. д.). В графе 5 фиксируются ответы, свидетельствующие об отношениях изображенного на фотографии человека (презирает, ненавидит, угрожает, симпатизирует, одобряет и т. д.).

Суждения типа — свидание, беседа, разговор, конфликт, вражда, дружба заносятся в 6 графу и обозначают формы взаимодействия. В графе 7 отмечаются суждения (психологические значения), характеризующие социальный статус, роль изображенного человека (педагог, инженер, руководитель, подчиненный и т. д.). В графе 8 отмечаются все речевые высказывания, приписываемые человеку на основе его невербального поведения. В графе 9 фиксируются те суждения, в которых представлена ситуация общения. В 10 графе отмечаются суждения, указывающие на причину невербального поведения. В 11 графе фиксируются — «эмоционально-оценочные суждения».

На основе «Методики свободной семантической оценки невербального поведения» диагностируется пять типов «интерпретационных схем» невербального поведения, которые названы в соответствии с преобладающими в их структуре психологическими значениями: 1) «формы взаимодействия — статус, роль»; 2) «эмоциональные состояния-отношения»; 3) «отношения — эмоционально-оценочные суждения»; 4) «интеллектуально — волевые состояния»; 5) «статус — отношение — формы взаимодействия».

Бланк для заполнения ответов по методике «Свободной семантической оценки невербального поведения»

Виды психологических и социально-психологических значений невербального поведения										
Фотоизображения										
1 серия - позы										
1-/-										
2-/-										
3-/-										
4-/-										
5-/-										
6-/-										
2 серия индивидуальное ИП										
1 -/-										
2-/-										
3-/-										
4-/-										
5-/-										
6-/-										
3 серия - мимика (женское лицо)										
1-/-										
2-/-										
3-/-										
4-/-										
5-/-										
6-/-										
3 серия - мимика (мужское лицо)										
1 -/-										
2-/-										
3-/-										
4-/-										
5-/-										
6-/-										
4 серия - невербальная интеракция										
1 -/-										
2-/-										
3-/-										
4-/-										
5-/-										
6-/-										

Диапазон возможных связей типов вербальной психологической интерпретации с другими способами определен также на основе интеркорреляционного анализа, который показал, что достоверные положительные связи между типом и способом интерпретации невербального поведения отсутствуют. Это указывает на то, что психологическая интерпретация невербального поведения не зависит от того, какие дополнительные средства, характеристики общения привлекает субъект познания. Способы интерпретации («ситуация», «речь», «стимул») не являются статистически постоянной величиной. Они могут учитываться при обработке данных в качестве показателей индивидуальных ориентаций на конкретные компоненты общения и рассматриваться как проявление индивидуального опыта в установлении связей между психологическими, социально-психологическими явлениями и невербальным поведением.

Индивидуально - типологические различия рассчитываются на основе суммирования ответов участников эксперимента по всем одиннадцати показателям интерпретации и сравнения их с описанными выше эталонами типов интерпретационных схем невербального поведения.

Ниже в качестве примера приводятся протоколы ответов ряда руководителей, участвующих в семинаре по обучению визуальной диагностике личности на основе ее невербального поведения. Эти протоколы можно использовать для определения «психологических значений», с целью тренировки в обработке данных и определения типа своих интерпретационных схем.

Первый участник семинара (мужчина, 27 лет). Отвечает в соответствии с инструкцией: 1 серия «поза»: 1.1. наблюдательность; 1.2. недоумение; 1.3. стеснительность; 1.4. самоуверенность; 1.5. недоумение; 1.6. провинился; 2 серия «жесты, мимика, поза»: 2.1. хочет внести ясность в беседу; 2.2. задумчивость; 2.3. какие-то потрясения; 2.4. сосредоточился; 2.5. «какой выход из этого положения?»; 2.6. «чтобы придумать в свое оправдание?»; 3 серия «мимика»: 3.1. радость; 3.2. испуг; 3.3. обида, разочарование; 3.4. страх; 3.5.

задумчивость; 3.6. ехидство; 3.7. гримасы; 3.8. задумчивость; 3.9. растерянность; 3.10. обида; 3.11. случилось несчастье; 3.12. упал духом. 4 серия «диада-группа»: 4.1. «что ты хотел бы сказать этим, ну понимаешь...»; 4.2. простая беседа двух товарищей; 4.3. ссора; 4.4. деловой разговор; 4.5, 4.6. слушают.

Второй участник семинара (мужчина, 30 лет). 1 серия «позы»: 1.1. высокомерие; 1.2. удивление; 1.3. «сама скромность»; 1.4. ожидание; 1.5. растерянность; 1.6. чувство вины. 2 серия: «жесты, мимика, позы»: 2.1. доказательство своих взглядов; 2.2. задумчивость; 2.3. удивление; 2.4. сосредоточенность; 2.5. сомнение; 2.6. удивление. 3 серия: «мимика»: 3.1. радость; 3.2. внимание; 3.3. тайна; 3.4. недоумение; 3.5. сосредоточенность; 3.6. обида; 3.7. удивление; 3.8. горечь; 3.9. жалость; 3.10. ненависть; 3.11. надменность; 3.12. горе, что-то потерял. 4 серия «диада-группа»: 4.1. деловая встреча; 4.2. 4.3. 4.4. выяснение отношений; 4.5. 4.6. слушают.

Третий участник семинара (женщина, 35 лет). 1 серия «позы»: 1.1. спокойствие; 1.2. восторг; 1.3. огорчение; 1.4. самоуверенность; 1.5. недоумение; 1.6. печаль. 2 серия «жесты, мимика, позы»: 2.1. рассказывает; 2.2. задумчивость; 2.3. неудовольствие; 2.4. беспокойство; 2.5. жалеет о чем-то; 2.6. прислушивается. 3 серия «мимика»: 3.1. радость; 3.2. прислушивается; 3.3. стесняется; 3.4. недоумение; 3.5. гнев; 3.6. 3.7. встревожен; 3.8. прислушивается; 3.9. недоумение; 3.10. гнев; 3.11. довольный; 3.12. задумался. 4 серия «диада-группа»: 4.1. разговаривают; 4.2. беседуют; 4.3. беседуют; 4.4. разговаривают; 4.5. президиум; 6.6. слушают.

Из приведенных протоколов ответов видно, что участники семинара в процессе интерпретации невербального поведения актуализируют одно-два психологических значения. Это свидетельствует о том, что их интерпретационные схемы слабо дифференцированы и не отличаются сложностью. Изображенные люди воспринимаются в большинстве случаев, как «задумчивые», «прислушивающиеся», «недоумевающие», «наблюдающие». Даже в том случае, когда предъявляются участникам семинара невербальные

интеракции, они предпочитают их интерпретировать, выбирая психологические значения, соответствующие интеллектуально-волевым состояниям, действиям: «разговаривают», «беседуют». Психологические значения, свидетельствующие о том, что эти участники семинара обращают внимание на отношения людей, их переживания, представлены весьма слабо в интерпретационных схемах.

Ведущим типом интерпретационной схемы, влияющей на результаты визуальной диагностики невербального поведения, является интерпретационная схема: «интеллектуально-волевые процессы - действия, формы взаимодействия».

Таким образом, каждая «интерпретационная схема» невербального поведения анализируется в трех направлениях:

1.В соответствии с психологическим и социально-психологическим содержанием она принадлежит к одному из обозначенных выше видов.

2.В соответствии со структурными характеристиками (объем, дифференцированность) интерпретационные схемы отличаются уровнем сложности.

3.В соответствии с преобладанием в структуре интерпретационной схемы психологических или социально-психологических значений невербального поведения она относится к психологическому или социально-психологическому уровню интерпретации.

Таким образом, каждая интерпретационная схема принадлежит к определенному виду, имеет определенный уровень сложности и отличается психологическим или социально-психологическим уровнем анализа экспрессии.

На основе сочетания трех параметров интерпретационной схемы, каждый субъект интерпретации невербального поведения личности может быть отнесен к следующему типу:

1.Субъект, ориентированный в процессе визуальной диагностики на невербальное поведение, как показатель эмоциональных состояний и отношений.

2.Субъект, ориентированный в процессе визуальной диагностики на невербальное поведение как показатель личностных особенностей, склонен к эмоционально-оценочным суждениям.

3.Субъект, ориентированный в процессе визуальной диагностики на невербальное поведение как показатель статуса и ролей.

4.Субъект, ориентированный в процессе визуальной диагностики на невербальное поведение как показатель интеллектуально - волевых состояний человека.

5.Субъект, ориентированный в процессе визуальной диагностики на невербальное поведение как показатель форм взаимодействия людей.

2.2. Процедура кодирования и интерпретации невербального поведения другого человека

Эта процедура направлена на то, чтобы выявить невербальные коды у наблюдателя, т.е. у человека воспринимающего невербальное поведение другого человека. Процедура визуальной психодиагностики личности включает несколько этапов:

На первом этапе проводится интервью, в ходе которого уточняется, известны ли субъекту кодирования-интерпретации лица, экспрессивное поведение которых необходимо закодировать и дать ему психологическую интерпретацию.

На втором этапе визуальной диагностики фиксируются невербальные коды поведения. Для этого используется опросник: «Невербальные характеристики общения», разработанный В.А.Лабунской [Лабунская,2009]. Он состоит из описания элементов невербального поведения. Субъекту кодирования-интерпретации необходимо выбрать из предлагаемого списка элементов невербального поведения только те, которые присущи человеку, за которым ведется наблюдение.

На третьем этапе субъекту кодирования-интерпретации необходимо

создать визуальные невербальные коды. С этой целью ему предлагается использовать набор изображений различных невербальных кодов. Данный набор включает 56 изображений. Нужно выбрать только те изображения (графические) коды невербального поведения, которые, по мнению субъекта кодирования-интерпретации, характерны для человека, за которым ведется наблюдение.

На четвертом этапе осуществляется психологическая интерпретация невербальных паттернов, кодов поведения каждого наблюдаемого человека. В качестве вспомогательных схем используются описания «экспрессивных кодов» определенных состояний и отношений, таблицы «невербальных проявлений» радости, гнева, страха, удивления, презрения, страдания. Они приводятся в конце описания процедуры.

Процедура кодирования – интерпретации завершается составлением «психологического портрета» наблюдаемого человека на основе его невербального поведения.

Опросник

«Невербальные характеристики общения»

Инструкция. Как известно, каждый человек использует различные средства для установления контакта с другими людьми. Самыми распространенными средствами общения являются речевые и неречевые (мимика, жесты, позы и т.д.). Ниже перечислены неречевые характеристики нашего поведения в общении. Ваша задача заключается в том, чтобы выбрать из предлагаемого списка характеристик неречевого (невербального) поведения те, которые как Вы считаете, соответствуют невербальному поведению наблюдаемого человека.

Перечень возможных объектов наблюдения (руководители, педагоги, клиенты, пациенты, психологи, политики и т.д.), может быть предложен субъектам кодирования-интерпретации невербального поведения другого человека.

Задание выполняется следующим образом:

1. На специальном опросном листе необходимо написать условное обозначение «объекта наблюдения», затем нужно прочесть и выбрать из опросника те элементы невербального поведения, которые субъект кодирования-интерпретации считает характерными для этого человека, и поставить номер элемента невербального поведения в опросном листе.

Список элементов невербального поведения

- 1) брать за руки;
- 2) обнимать;
- 3) целовать;
- 4) класть руки на плечи, шею и т.д.;
- 5) какие-то другие прикосновения (напишите);
- 6) смотреть в глаза;
- 7) смотреть в лицо;
- 8) смотреть на тело;
- 9) смотреть пристально;
- 10) отводить глаза в сторону при встрече с глазами партнера;
- 11) другие характеристики взгляда (напишите);
- 12) скользить взглядом по другому человеку;
- 13) сидеть, скрестив руки на груди, забросив одну ногу за другую;
- 14) сидеть, слегка наклонившись вперед;
- 15) сидеть, отбросившись на спинку стула;
- 16) сидеть прямо, положив руки на колени, ноги вместе;
- 17) сидеть, положив руки перед собой;
- 18) напряженная поза;
- 19) расслабленная поза;
- 20) наклонить голову в сторону;
- 21) приподнять голову вверх;
- 22) опустить голову вниз;
- 23) втянуть голову в плечи;
- 24) другие характеристики позы (написать);

- 25) сжимать руки перед собой;
- 26) сжимать руки позади себя;
- 27) держать руки в карманах;
- 28) прикрывать рот рукой;
- 29) прикасаться к различным частям лица;
- 30) потирать различные части лица, туловища;
- 31) перекрещивать руки на груди;
- 32) интенсивно жестикулировать;
- 33) использовать жесты для того, чтобы подчеркнуть, усилить сказанное;
- 34) использовать жесты для описания предметов;
- 35) использовать жесты для выражения отношения к другому;
- 36) держать руки на бедрах;
- 37) брать под руки;
- 38) другие жесты (напишите);
- 39) выражать радость;
- 40) выражать гнев;
- 41) выражать удивление;
- 42) выражать страдание;
- 43) выражать отвращение;
- 44) выражать восхищение;
- 45) выражать презрение;
- 46) выражать страх;
- 47) выражать любовь;
- 48) другие выражения лица (напишите);
- 49) говорить быстро;
- 50) говорить медленно;
- 51) громко разговаривать;
- 52) смеяться;
- 53) плакать.

Пример бланка ответов для методики «Невербальные характеристики общения»

Элементы невербального поведения	Объект наблюдения	Объект наблюдения	Объект наблюдения
1			
2			
3			

Составление вербального кода невербального поведения осуществляется на основе выбора элементов невербального поведения, характерных для наблюдаемого человека. Невербальный код представляет из себя список элементов невербального поведения. Этот набор элементов невербального поведения подлежит психологической интерпретации.

В качестве примера рассмотрим пять «невербальных кодов» поведения пяти политиков и их психологическую интерпретацию.

Первый «невербальный код»: «Политик в процессе общения смотрит в глаза собеседнику. В момент активного коммуницирования смотрит интенсивно и продолжительно. Его глаза теплы и ласковы. Жесты этого человека не интенсивные. Его позы активные, но не напряженные и не расслабленные. Общаясь с собеседником, он сидит, слегка наклонившись вперед. Дистанция общения с партнером регулируется в соответствии с ситуацией».

Психологическая интерпретация первого «невербального кода» включает следующие характеристики: дружелюбный, расположен к общению, естественный, зрелый, спокойный, искренний, открыто выражающий свои чувства, любящий, нежный, имеющий высокую потребность в аффилиации. Это человек, имеющий высокий статус, уверенный в себе и склонный к доминированию.

Второй «невербальный код»: «Лицо политика отличается динамичностью. В процессе общения интенсивно и продолжительно смотрит в

глаза собеседнику независимо от того слушает ли он или говорит. Его глаза блестят. Жесты соответствуют ситуации общения. Позы - гармоничные и идентичны позам партнера».

Психологическая интерпретация «второго невербального кода» включает в себя следующие характеристики: расположен к общению, искренний, открыто выражающий свои чувства, стремится манипулировать и контролировать ситуацию, энергичный, занимающийся любимым делом, стремящийся к взаимопониманию

Третий «невербальный код»: «Лицо политика выглядит застывшим и напряженным. Мимика дисгармоничная. Взгляд холодный и жесткий. Нечастый, неинтенсивный контакт глаз, но в момент активного говорения интенсивно и продолжительно смотрит на партнера»

Четвертый «невербальный код»: «Лицо политика выглядит застывшим. Взгляд холодный и жесткий, глаза прищурены. В процессе общения часто и быстро поглядывает на партнера. Взгляд бегаёт из стороны в сторону. Жесты не интензивные и маловыразительные».

Пятый «невербальный код»: «Лицо политика может быть как застывшим, так и достаточно динамичным. Лицо выглядит напряженным. Взгляд может быть как холодным и жестким, так и теплым, и ласковым. Контакт глаз не частый и не интензивный, глаза прищурены. Жесты не интензивные, но адекватные ситуации общения».

Психологическая интерпретация третьего, четвертого и пятого «невербальных кодов» включает характеристики, которые существенно отличают этих политиков от предыдущих двух. Человек, демонстрирующий такое невербальное поведение воспринимается как равнодушный, не эмоциональный, пессимистичный, уклончивый, покорный, однообразный, не интересный, не обаятельный, но зрелый, серьёзный и относящийся ответственно к своим обязанностям.

«Графические невербальные коды» составляют на третьем этапе визуальной психодиагностики личности. Интерпретация каждого

«графического невербального кода» предполагает опору на ведущий элемент в структуре невербального поведения. Ниже приводится описание одного из «графических невербальных кодов»:

1. Сидит, слегка наклонившись вперед. В общении наклон туловища вперед означает, что человек расположен к общению и готов к действиям.

2. Сцепленные руки - это жест разочарования и скрытой агрессии. Чем выше к лицу сцепленные в пальцах руки, тем сильнее негативные чувства.

3. Сидит, прислонив руки к губам или подбородку. Эта поза означает, что человек размышляет перед принятием какого-то решения. «Подпираание» руками подбородка также может означать то, что человек нуждается в поддержке, что его переживания носят негативный характер, что он хотел бы сконцентрироваться.

4. Руки за спиной. Чаще всего человек прячет руки за спиной, если пытается скрыть что-нибудь. Если он постоянно держит руки за спиной, то это может указывать на такие черты, как сдержанность и склонность к созерцанию. Подобные жесты наиболее часто демонстрируют или уверенные в себе люди, или люди властные, профессия которых предполагает управление и контроль.

5. Совокупность жестов: «подпирание» щеки указательным пальцем, одновременно другой палец прикрывает рот, а большой палец лежит под подбородком» означает критическое, оценочное отношение к партнеру.

6. Положение за столом друг на против друга выражает отношение соперничества, стремление придерживаться только своей точки зрения. Если встреча происходит в кабинете, то такое расположение свидетельствует также об отношениях субординации.

7. «Угловое» расположение партнеров указывает на партнерские отношения. Такая проксемика общения способствует постоянному контакту глаз, способствует активному наблюдению за невербальным поведением друг друга.

2.3. Диагностика уровня развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения

На протяжении длительного периода осуществлялось создание различных вариантов методики «Диагностика уровня развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения» с целью ее применения в диагностических и прогностических целях. Но, прежде чем перейти к изложению особенностей применения разработанной нами методики, хотелось бы уточнить ряд теоретических позиций и коснуться не только самого понятия «способность к интерпретации невербального поведения», но и указать на связь выделяемой нами способности с социально-перцептивными способностями человека, с его социальным и эмоциональным интеллектом.

Как известно, ситуации общения в силу их разнообразных особенностей не независимо от воли партнеров превращаются для них в творческую задачу, решение которой зависит от ряда умений, способностей субъекта познания, которые формируются в сфере социально - психологической практики и по своей сути являются социально - психологическими свойствами личности, ее социальными способностями. Для психологии невербального общения, межличностного познания особое значение имеет разработка проблемы социальных способностей личности, в структуру которых входит ряд социально - перцептивных способностей, в том числе и способность к адекватной интерпретации и пониманию невербального поведения человека. Современная социальная психология, рассматривая проблему социальных способностей личности, обращается также к таким явлениям, как социально - психологическая, социально-перцептивная компетентность, которая также определяется через ряд составляющих ее способностей, умений и навыков.

Наряду с социально-перцептивной компетентностью рассматриваются, как комплекс социальных способностей, социальный интеллект, интеллект межличностных отношений, эмоциональный интеллект, социальное воображение, социальная проницательность, социально-психологическая

наблюдательность. Перечисленные понятия и соответствующие им явления стали предметом теоретического анализа и экспериментального изучения сравнительно недавно. Одной из причин активизации внимания исследователей к сфере социальных способностей личности было открытие того факта, что закономерности развития познавательной сферы личности, опосредованные предметной деятельностью, не совпадают с особенностями ее формирования как субъекта познания, общения, социальной практики взаимодействия. Как известно, Q.Sullivan, D.Guilford, R.Miller еще в середине шестидесятых годов прошлого столетия провели исследование, в котором показали, что существует группа способностей, развитие которых не зависит от уровня развития "реального интеллекта" [Sullivan,Guilford,Miller,1965]. В отечественной психологии сложилось также мнение, что социально-перцептивная компетентность, социальный интеллект связаны с решением определенного класса задач в сфере общения.

Общепринятым на сегодня является определение социального интеллекта как сложной способности, проявляющейся в умениях усматривать и улавливать сложные отношения и зависимости в социальной сфере, в умении человека адекватно воспринимать и интерпретировать личность и поступки другого или какую-либо жизненную ситуацию. О том, что социальный интеллект, как вид интеллекта, представляет из себя способность «к познанию социальных явлений», пишет Д.В. Ушаков [2004], отмечая зависимость уровня развития социального интеллекта от сочетания ряда факторов, в том числе от личностных особенностей и жизненного пути человека. Этот вывод имеет для нас особое значение по той причине, что формирование различных функций невербального поведения личности, а также актуализация готовности к восприятию невербального выражения человека, к установлению связей между внешним и внутренним, обусловлены сочетанием культурных, социальных, социально-психологических, личностных особенностей субъектов общения, характеристиками их жизненного пути, определяющими направленность интерпретаций и превращение ситуации взаимодействия в творческую,

социальную задачу. В качестве «глобальной способности, возникающей на базе комплекса интеллектуальных, личностных, коммуникативных и поведенческих черт», определяется социальный интеллект В.Н. Куницыной [2001,с.469].

Не менее важными для наших исследований являются современные представления об эмоциональном интеллекте, который большинством авторов рассматривается как подструктура социального интеллекта, включающая ряд способностей. Так, Д.В. Люсин интерпретирует эмоциональный интеллект, как «способность к пониманию своих и чужих эмоций и управление ими» [Люсин,2004, с.33], а И.Н. Андреева [2006] подчеркивает, что эмоциональный интеллект – это устойчивая ментальная способность, в структуру которой входит способность к различению и выражению эмоций.

Таким образом, разнообразие терминов и понятий, связанных со сферой социальных способностей личности, отражают ее разноуровневые характеристики. В то же время в определении явлений, стоящих за этими понятиями, есть ряд общих моментов. Во-первых, они трактуются как способность, следовательно, сопряжены с определенной деятельностью, являются личностным образованием. Во-вторых, предметом этих способностей выступает установление отношений между событиями, в которых действующими лицами являются другие люди. В-третьих, основным показателем наличия или отсутствия способности к решению задач на установление отношений между событиями в сфере общения является адекватность интерпретации, точность понимания, прогнозирования, воздействия, выбранного речевого и неречевого способа обращения. В-четвертых, в каком бы контексте не рассматривались социальные способности, они описываются как сложное структурное образование, состоящее из ряда способностей, одной из них, является способность к адекватной интерпретации и точному пониманию невербального поведения.

Любая социальная способность, в том числе и способность к адекватной интерпретации невербального поведения заявляет о себе в контексте

определенной деятельности, в связи с соответствующими ей социально-перцептивными, коммуникативными задачами. Поэтому в качестве способа диагностики способности к адекватной интерпретации невербального поведения можно использовать «задачу». Проблема заключается в определении набора «задач» и показателей адекватности интерпретации невербального поведения.

Для развития наших представлений о способности к интерпретации невербального поведения и расширения методических приемов измерения уровня развития данной способности является принципиально важным вывод о том, что как социальный интеллект, так и его структурный компонент - эмоциональный интеллект, включают поведенческую составляющую, а также способности к регуляции отношений, взаимоотношений, способность к управлению эмоциями, проявляющуюся в контроле за их внешним выражением [Бояцис, Макки,2007,Вайсбах,Дакс,1998, Гоулман, Бояцис, Макки,2005; Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям,2009].

На начальных этапах разработки методики, направленной на диагностику уровня развития способности к интерпретации невербального поведения, данная способность рассматривалась нами в трех аспектах:

1. В плане форм невербального поведения как объекта интерпретации: элементы, степень целостности, контекст предъявления. С этой точки зрения способность к психологической интерпретации включает способность к адекватному восприятию и оценке элементов и целостного невербального поведения отдельного человека, диады, группы, а также способность устанавливать психологические связи между элементами и индивидуальными формами невербального поведения.

2. В плане интерпретации психологического содержания невербального поведения. Наиболее важными здесь являются способность к адекватному определению состояний, способность к установлению связей между невербальным поведением и качествами личности, способность к оценке отношений и взаимоотношений партнеров общения.

3. В функциональном плане способность к психологической интерпретации невербального поведения рассматривалась как способность к адекватной идентификации различных психологических характеристик человека на основе невербального поведения и способность адекватно использовать его как средство регуляции отношений в общении.

Иными словами, структура способностей к интерпретации невербального поведения включала два блока способностей: способность к адекватной идентификации, пониманию различных форм невербального поведения и взаимодействия и способность к регуляции взаимоотношений в различных социальных контекстах с помощью невербального выражения эмоций.

В последнее время, в связи с усилением интереса к проблеме осознаваемых и неосознаваемых компонентов невербального выражения личности, а также в связи с развитием теории социального интеллекта и представлений об эмоциональном интеллекте была введена еще одна способность в структуру способности к интерпретации невербального поведения – способность к кодированию невербального выражения эмоций.

Проблема кодирования и интерпретации невербального поведения обсуждалась нами в первом разделе данной книги. Основные выводы этого раздела позволяют сохранить название изучаемой нами способности, как способности к интерпретации невербального поведения, несмотря на то, что введен компонент целенаправленного кодирования экспрессии и усилен на основе модификации методики такой компонент способности, как способность к регуляции отношений. Вместе с этим, хотелось бы подчеркнуть, что не только наши выводы, но и результаты исследований других авторов показывают, что способности к идентификации, к распознаванию, пониманию психологических особенностей другого человека на основе его невербального поведения имеют противоречивые связи со способностью к кодированию экспрессии и способностью к использованию ее в качестве средства регуляции общения в различных социальных контекстах. В этой связи, название способности, как способность к адекватной интерпретации невербального

поведения может быть подвергнуто критике.

Мы принимаем позицию ряда авторов [Куницина,2001, Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям,2009], утверждающих, что существуют или должны существовать взаимосвязи между уровнем развития социального интеллекта и личностными особенностями, а также придерживаемся вывода о том, что на протяжении жизненного пути может изменяться, трансформироваться направление связей между компонентами способности к адекватной интерпретации невербального поведения под влиянием сочетания таких факторов, как принадлежность к определенной социальной группе, особенности социализации, опосредованные влиянием культурного фактора, воздействиями городской и сельской среды, принадлежностью субъекта к одному из типов субъектов общения в соответствии с его системой отношений и т.д. [Доржминчингийн,2002, Дроздова,2003, Менджерицкая,2001, Пугачевский,1999, Сериков,2001, Шкурко,1997].

Таким образом, наше представления о сложной структуре способности к психологической интерпретации невербального поведения основываются, с одной стороны, на тех особенностях невербального поведения человека, невербального выражения личности, которые были изложены в первом разделе данной книги, с другой стороны, в них учтены особенности психологической интерпретации невербального поведения, установления связей между внешним и внутренним, а с третьей стороны, они опираются на ряд теоретических положений, касающихся таких явлений как социальные способности, социальный и эмоциональный интеллект.

В одной из книг [The new handbook of Methods in Nonverbal Behavior Research,2005], включающей ряд обобщающих работ, посвященных методологии и методам исследования невербального поведения, отмечается, что за последние 20 лет (точка отсчета – это выход в свет первого коллективного труда [Handbook of methods in nonverbal behavior research,1984], фиксирующего проблемы изучения невербального поведения), значительно

возрос интерес к невербальному поведению личности и группы. Во многих исследованиях в качестве самостоятельного объекта рассматриваются выражения лица, контакт глаз, жесты, позы, но современное состояние психологии невербального поведения отличается от предыдущего этапа развития тем, что все чаще различные компоненты невербального поведения используются либо в качестве показателя, либо в качестве средства измерения, фиксации установок, стилей поведения личности, а также в качестве надежного инструмента измерения уровня развития различных способностей и умений. Во введении к книге «The new handbook of Methods in Nonverbal Behavior Research» утверждается, что количество публикаций увеличилось более чем в шесть раз по сравнению с 1984 годом. В них представлены сведения о применении невербального поведения в качестве показателя социального развития младенцев, аттрактивности личности, меры ее убежденности в чем-либо, предубежденности, согласия, сострадания, желания помогать другим. Установлены культурные различия в экспрессивном поведении, а также описаны паттерны невербального поведения людей, отличающихся стремлением к доминированию, уровнем выраженности экстраверсии - интроверсии, зависимостью-независимостью и т.д. Все эти работы приводят к фундаментальному выводу о том, что в различных социальных контекстах невербальное поведение человека выполняет многообразные функции, выступая одновременно и как средство познания личности и как средство влияния, воздействия, регуляции своего и чужого поведения, как способ контроля и показатель уровня развития различных профессиональных и иных навыков и умений. Особенно, следует отметить стремление западных исследователей перевести изучение невербального поведения в класс прикладных работ. Среди них важное место занимают изучение невербального поведения в контексте интерперсональной сензитивности [Hall, Bernieri, Carney, 2005], систем кодирования невербального поведения в диадах различного типа [Yoshimoto, Alyson, Kelly, Gottman, 2005], а также обсуждение вопросов, касающихся использования экспертов в целях определения основных

характеристик невербального поведения участников исследований [Harrigan,2005]. Не последнее место среди прикладных работ занимают те, в которых представлены, так называемые, «технические подходы» к изучению кодирования и декодирования невербальной экспрессии, успешности ее распознавания и т.д. Для нас при обсуждении проблемы диагностики способности к адекватной интерпретации представляют интерес те методики, в которых, так или иначе, фиксируется успешность понимания, кодирования невербального поведения.

Чаще всего, социальные способности, проявляемые в процессе восприятия невербального поведения, обозначаются, как «интерперсональная сензитивность», «социальные умения». В статье Judith A.Hall, Frank J.Bernieri, and Dana R. Carney [Hall, Bernieri, Carney,2005] приводятся наиболее известные методы изучения интерперсональной сензитивности. Ниже рассматриваются те из них, которые включают ряд «задач», решение которых предполагает восприятие, распознавание, понимание, интерпретацию и кодирование экспрессии. Прежде всего, следует назвать метод PONS – «Профиль невербальной сензитивности», разработанный Розенталем с соавторами [Hall, Bernieri, Carney,2005]. Он включает 220 аудио, видео и комбинированных «клипов», представляющих отличающиеся степенью позитивности, доминантности паттерны невербального поведения. Этот тест довольно часто используется в прикладных исследованиях, подтверждающих, что лица, с высоким уровнем развития «сензитивности к невербальному поведению», отличаются рядом качеств. Так, учителя демонстрируют более демократичное поведение, сотрудники клиник являются более успешными супервизерами и т.д. Набор «задач» используется также в тесте IPT (Interpersonal Perception Task) [Costanzo, Archer , 1989]. Он состоит из видеоклипов, например, на одном из них женщина разговаривает по телефону. Нужно определить с кем она говорит: с матерью или с бойфрендом? При предъявлении другого видеоклипа необходимо установить рассказывает ли человек правдивую жизненную историю? В целом, участник исследования должен определить пять

аспектов: степень «родства, сходства», предъявляемых людей, степень искренности их рассказов, статус, степень близости, интимности отношений, наличие конкурентности. Иными словами, все «задачи» данного теста направлены на то, чтобы зафиксировать степень выраженности умения определять отношения между людьми на основе их вербального и невербального поведения.

«Диагностический анализ невербальной точности» [Diagnostic Analysis of Nonverbal Accuracy DANVA] - этот тест измеряет чувствительность к невербальным проявлениям эмоций. Он включает фотоизображения эмоциональной экспрессии и аудио предъявления эмоциональных состояний. Показатели этого теста коррелируют с показателями социальной адаптации и «ментального приспособления – mental adjustment». Распространенным приемом исследования уровня развития эмпатии также является набор «задач», которые включают невербальное поведение, например, достаточно известный метод изучения эмпатической точности [Empathic accuracy standard-cue methodology], разработанный Ickes [Hall, Bernieri, Carney, 2005]. В этой оригинальной технологии осуществляется измерение эмпатической точности на основе видеозаписей разговоров участников исследования. Экспериментатор приглашает двух участников исследования, которые ранее не были знакомы друг с другом. Под благовидным предлогом он удаляется из комнаты, в которой остается приглашенная пара и появляется через несколько минут, сообщая о том, что эксперимент уже начался и их взаимодействие зафиксировано на видео. Затем интересуется тем, хотят ли участники исследования продолжать эксперимент? Если они не согласны, то видеозапись стирается. Респонденты, которые выразили желание продолжать участие в исследовании, получают задание: вначале определить те моменты видеозаписи, где, на их взгляд, они переживают определенные эмоции (сделать стоп – кадр), а затем сообщить о том, какие мысли их посещали в этот момент. Каждый из пары участников выполняет данное задание, анализируя свое поведение, а затем поведение партнера. Технология, разработанная Ickes, – это

одна из немногих попыток использовать с целью изучения коммуникативной сензитивности, точности понимания невербального поведения ситуации реального общения, выявить чувствительность как к своему поведению, то есть осуществить интерпретацию экспрессивных, невербальных выражений, соотнести их с речевым поведением, а также понять на основе вербального и невербального поведения переживания, чувства и мысли другого человека. С целью изучения «интерперсональной сензитивности», точности понимания невербальных выражений, регуляции с помощью экспрессии отношений применяется также известный тест MSCEIT, созданный группой авторов для диагностики эмоционального интеллекта. Основные идеи этих авторов, а также разработанная ими модель ЭИ представлены в ряде публикаций [Андреева,2006, Бояцис, Макки,2007,Вайсбах,Дакс,1998, Гоулман, Бояцис, Макки,2005,Люсин, 2004]. Мы хотели лишь подчеркнуть, что задания, входящие в этот тест, диагностируют способности к пониманию эмоциональных состояний на основе изображений эмоциональной экспрессии, что часто применяется в тестах, разработанных с целью диагностики способностей к пониманию различных компонентов невербального поведения.

Таким образом, современная психология невербального поведения предлагает довольно обширный перечень методик, направленных на решение определенных исследовательских и практических задач. Вместе с этим, данная отрасль психологических знаний сталкивается с рядом проблем, ограничивающих набор «задач» и сфер их применения. Как правило, при разработке методики делается акцент на каких-то компонентах невербального поведения (позы, экспрессия лица и т.д.). Такое ограничение методических задач обусловлено, прежде всего, многогранностью феномена «невербальное поведение», сложностью его структуры. В этой связи возникает необходимость уточнить авторский подход к самому невербальному поведению, лежащий в основе создания методики «Диагностика уровня развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения»

Первая группа теоретических положений касается природы, диагностических и регулятивных функций невербального поведения. Данные теоретические положения представлены в первом разделе книги. В этой части книги мы хотим подчеркнуть, что из всего спектра невербального поведения человека мы выбираем экспрессивное, выразительное поведение, в обозначении которого зафиксирована главная функция любого языка, в том числе и невербального, - выражать. Одновременно, понятие экспрессивное поведение подчеркивает непосредственную связь между внутренним миром человека и его внешним выражением. В психологии экспрессивного поведения рассматривается широкий спектр средств, с помощью которых личность выражает себя или ее особенности могут быть обнаружены наблюдателем. Главное внимание в процессе изучения невербального поведения уделяется таким средствам выражения личности, как мимика, жесты, позы, прикосновения, контакт глаз. В этой связи, в «задачах», вошедших в методику «Диагностика уровня развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения», представлены выше перечисленные средства выражения личности. Осознаваемые и неосознаваемые невербальные компоненты выражения личности, образующие внешний невербальный образ, несут информацию о темпераменте, об актуальных психических состояниях, о модальности, знаке отношения к себе и к другому, о переживаниях и стремлениях личности, о ее социальном и социально-психологическом статусе.

В первом разделе книги был поставлен вопрос о соотношении рациональных и иррациональных путей познания внутреннего мира человека, также подчеркивалось, что невербальное поведение – это динамичная целостность. Разработанные нами «задачи», вошедшие в методику «Диагностика уровня развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения» отвечают только некоторым особенностям невербального поведения человека. В них учитываются индикативные и регулятивные функции невербального поведения, степень целостности,

психологической многозначности, отсутствие вербальных эквивалентов для всех форм невербального поведения. Но в предлагаемых «задачах» не воспроизводится главное свойство невербального поведения – динамичность. Оправданием для нас служит то, что фиксация невербального поведения личности, ее выразительного поведения осуществляется во многих отечественных и зарубежных исследованиях на основе приема «стоп-кадр» и затем оно изучается с помощью метода «кадр за кадром». Превращение динамичного образования в статичное – это одна из главных трудно разрешимых проблем психологии невербального поведения, особенно, в тех случаях, когда невербальное поведение используется для демонстрации и определения способностей к социальному взаимодействию.

К выше обозначенным характеристикам невербального поведения можно отнести и особенности его интерпретации и понимания. В данной части монографии нет необходимости останавливаться на рассмотрении различных подходов к интерпретации и пониманию, как глобальным социокультурным явлениям. Напомним только о том, что для психологии социального познания, общения, в контексте которых обсуждается проблема социальных способностей, в частности, вопрос об адекватности понимания и интерпретации невербального поведения, является традиционным рассмотрение интерпретации в связи с пониманием личности партнера. Термин «интерпретация» употребляется чаще всего тогда, когда речь идет о восприятии действий, поступков, различных элементов структуры экспрессивного, невербального поведения. С интерпретацией поведения, деятельности познаваемой личности, с установлением на этой основе устойчивых характеристик соотносится адекватность понимания. В целом понимание более высоко уровня рассматривается как производная от интерпретации субъектом поведения личности, сопровождающейся проникновением в сущность ее устойчивых свойств и непреходящих состояний. Зависимость понимания от ситуации общения, от позиции в ней «другого» делает неизбежным процесс актуализации интерпретационных процессов, обладающих качеством

бесконечности, незавершенности, многозначности, следовательно, недостаточно корректно приписывать результатам данного процесса такую характеристику, как точность, более целесообразно использовать такую характеристику, как адекватность.

Таким образом, для того, чтобы установление связей между невербальным поведением и психологическими особенностями личности осуществлялось осознанно, необходимо возникновение в общении проблемы, задачи. Следовательно, с целью определения уровня развития способности к адекватному пониманию и интерпретации невербального поведения надо вводить в качестве методического приема социально – перцептивные, коммуникативные задачи. Учитывая то, что невербальное поведение является специфической системой знаков, состоящей из устойчиво - повторяющихся движений и тех, появление которых определяется ситуацией, включающей индивидуально - личностные и групповые программы поведения, установление связей между ним и психологическими характеристиками личности не всегда будет приводить к точному пониманию. С этой точки зрения, у интерпретационных процессов высвечивается еще одна сторона их связи с пониманием личности. Они могут рассматриваться как интерпретационные схемы, обеспечивающие или затрудняющие точность, адекватность понимания.

Наряду с этим, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что мы рассматриваем интерпретацию как творческий, мыслительный процесс, направленный на реконструкцию не всегда очевидных психологических и социально - психологических значений, смыслов невербального поведения, на установление связей между ним и психологическими, социально - психологическими характеристиками личности, группы. Такая трактовка допускает вербальное означивание невербального поведения в терминах психологических и социально - психологических характеристик личности и группы. Словесные обозначения в интерпретации нужно понимать не как отдельный от нее процесс, а как процесс, включенный в интерпретационную деятельность.

Вместе с тем нельзя не отметить и тот факт, что вербализация смыслов и значений зависит от уровня развития языковых способностей субъекта, его вербального репертуара. Не менее важным является и то, что тезаурус психологических значений невербального поведения формируется в обыденном общении и отражает уровень обыденного сознания. Полностью преодолеть влияние этих факторов на процедуру вербального означивания связей невербального поведения с психологическими характеристиками личности и группы, практически, невозможно.

В параграфе 2.1. мы отмечали, что процесс интерпретации может завершаться не только выбором определенных психологических значений связей между внешним и внутренним, но и определением ситуации, стимулов, предполагаемых действий и других атрибутов общения. Партнеры обращаются к различным «ситуативным ключам» в момент интерпретации и понимания невербального поведения не только потому, что его психологическая суть трудно поддается вербализации, но и потому, что общение и невербальное поведение взаимосвязаны.

Исходя из вышесказанного, в качестве показателя адекватности интерпретации невербального поведения рассматриваются не только психологические значения, соответствующие состояниям, отношениям личности, но и обозначения ситуации и действий партнеров. Перечень «психологических значений» невербального поведения, включающий обозначения психологических и социально-психологических особенностей личности, выявляемых на основе ее невербального поведения, а также фиксирующий характеристики ситуации общения и действия партнеров, был определен с помощью разработанной нами методики «Свободной семантической оценки невербального поведения» (см. параграф 2.1.). Выявленные психологические значения для каждого вида невербального поведения были использованы нами в качестве критериев (показателей) адекватности интерпретации невербального поведения, а «задачи» отличались предлагаемыми для восприятия формами невербального поведения.

Таким образом, на пути создания методики «Диагностика уровня развития способности к интерпретации невербального поведения» был преодолен ряд ограничений: «индивидуалистическая», «поиск жестких связей между невербальным поведением и психологическими особенностями личности», «психологическая», «преувеличение роли когнитивных процессов и недооценка эмоциональных компонентов интерпретации», «сведение способности к интерпретации невербального поведения, главным образом к распознаванию, к «импрессивной» или «эмпатийной» способностям». Перечисленные выше ограничения, представленные в различных методиках, были в определенной степени сняты, благодаря включению в «задачи» в качестве объекта интерпретации, как индивидуального невербального поведения, так и невербальной интеракции, благодаря определению круга значений, включающего социально-психологические особенности (отношения, способы и формы взаимодействия, статус и т.д.), благодаря включению «задач», решение которых не предполагает вербализации взаимосвязей между невербальным поведением и особенностями личности.

В целом, многочисленные ограничения, накопившиеся в процессе создания методов диагностики способности к распознаванию невербального поведения, были в определенной мере преодолены в результате трактовки «способности к адекватной интерпретации невербального поведения», как многокомпонентной способности. В соответствии с представлением о различных способностях, образующих способность к адекватной интерпретации невербального поведения, был определен перечень социально-перцептивных, коммуникативных задач. Они отличаются по формальным параметрам (виды невербального поведения), по содержательным (психологические, социально-психологические характеристики личности, диады, группы), по функциональным: задачи на идентификацию невербального поведения, задачи на кодирование (функция контроля своих невербальных выражений) и задачи на регуляцию отношений в диаде, группе. «Задачи», входящие в методику отличаются также способами репрезентации решения

задачи: вербальные и невербальные. Так, адекватность интерпретации устанавливается: 1) на основе вербализации психологического и социально-психологического содержания невербального поведения (круг психологических значений); 2) сравнения и выбора форм невербального поведения, соответствующих друг другу по психологическому значению; 3) на основе выбора определенных паттернов невербального поведения с целью «регуляции» в позитивную и негативную сторону отношений в диаде; 4) на основе определения взаимосвязей между невербальным и вербальным поведением изображенного человека; 5) в качестве критерия успешности кодирования рассматривается кодирование лицевой экспрессии, соответствующей четырем базовым эмоциональным состояниям. Процедура определения успешности кодирования осуществляется следующим образом. Респонденты должны смоделировать эмоциональную экспрессию, которая фиксируется, а затем предъявляется им в виде фотоизображения. Таким образом, участники исследования интерпретируют собственное невербальное поведение – невербальные коды. Результаты интерпретации сопоставляются со списком эмоциональных состояний, экспрессию которых должен был смоделировать (кодировать) участник исследования. На основе данной процедуры вычисляется индекс успешности кодирования экспрессии эмоциональных состояний, указывающий на уровень развития способности контролировать свое экспрессивное поведение.

Таким образом, современный вариант методики «Диагностика уровня развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения» включает 9 «задач», объединенных в четыре группы, решение которых указывает на уровень развития ряда способностей. Первая группа «задач» включает «задачу -1» на диагностику адекватности интерпретации состояний и отношений человека на основе его позы; «задачу-2» на диагностику интерпретации эмоциональных состояний человека на основе его мимики; «задачу-3» на диагностику адекватности интерпретации интеллектуально-волевых эмоциональных состояний и отношений на основе индивидуального

невербального поведения; «задачу-4» на диагностику адекватности интерпретации отношений, взаимоотношений людей, включенных в невербальную интеракцию (диада, группа); «задачу-5» на диагностику адекватности интерпретации невербального поведения с помощью определения связей и отличий между психологическим содержанием различных элементов невербального поведения. Данная задача отличается от предыдущих четырех тем, что ее решение не предполагает вербального ответа. Уровень адекватности определяется на основе соответствия психологической модальности поз и выражений лица. Показателем степени соответствия является выбор экспрессии лица адекватный психологическому значению позы.

Таким образом, первая группа задач включает 5 задач, отличающихся одна от другой предлагаемыми для интерпретации формами невербального поведения; направленностью, уровнем интерпретации: психологический и социально-психологический; способами репрезентации решения задач: вербальный и невербальный. На основе показателей успешности решения этих задач определяется уровень развития способности к адекватной интерпретации различных форм невербального поведения – вербальной и невербальной идентификации на основе индивидуального и группового невербального поведения психологических и социально-психологических особенностей.

Вторая группа «задач» направлена на диагностику способности к адекватной регуляции с помощью выбираемых невербальных паттернов отношений в диаде и группе. В нее входит «задача-6», решение которой свидетельствует об умении регулировать отношения в эмоционально-отрицательную сторону; «задача-7», фиксирующая наличие умения регулировать отношения в диаде, группе с помощью выбираемых невербальных паттернов в эмоционально-положительную сторону.

Третий тип «задач» направлен на диагностику уровня развития способности устанавливать адекватные связи между вербальным и невербальным поведением человека – «задача – 8».

Четвертый тип «задач» направлен на диагностику способности кодировать экспрессию эмоциональных состояний, контролировать свое экспрессивное поведение – задача 9.

Для того, чтобы решение предлагаемых «задач» не способствовало появлению дополнительного интеллектуального и эмоционального напряжения был отработан оптимальный вариант предъявления «задач». Они чередовались в соответствии со способами репрезентации решений. Инструкции к каждой задаче, их номер, соответствующий порядку предъявления, демонстрационный материал, показатели адекватности интерпретации (идентификации), регуляции, кодирования и контроля невербального поведения смотри в [Лабунская,2009].

Максимально возможный показатель успешности решения той или иной задачи соответствует 20 баллам. Следовательно, максимальное количество баллов, которое может набрать один участник исследования, равно 180 баллам.

Диапазон оценок, соответствующих среднему уровню развития способности к интерпретации невербального поведения, включает показатели от 80 до 124 баллов. Интервал в 20,8 балла положен в основу выделения низкого, ниже среднего, выше среднего, высокого уровней развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения.

Раздел 3. Эмпирические исследования кодирования - интерпретации невербального поведения в общении

3.1. Кодирование - интерпретация лицевой экспрессии эмоциональных состояний различными субъектами педагогического общения

В предыдущих разделах книги, мы неоднократно подчеркивали, что умение управлять эмоциональной экспрессией и интерпретировать её являются необходимыми условиями взаимодействия, взаимовлияния в различных видах совместной деятельности (переговоры, деловая беседа, педагогическое общение, оказание профессиональной психологической помощи и т.д.). Поэтому не случайно психологи проявляют устойчивый интерес к результатам исследований, направленных на изучение экспрессивного репертуара личности, к данным работ, в которых рассматривается роль невербальных средств в регуляции общения. Несмотря на это в эмпирических исследованиях, по-прежнему, основное внимание уделяется процессу интерпретации, распознавания невербального поведения и в значительно меньшей степени проблеме моделирования, кодирования невербального поведения. Объяснить такое отношение к изучению взаимосвязанных процессов можно многими обстоятельствами. Мы здесь укажем только на одно. К проблеме кодирования невербального поведения проявляют интерес, главным образом, те исследователи, которые отвечают на запросы некоторых областей психологической практики. Мы имеем ввиду, сферу образования, педагогического общения. Не перестаешь удивляться, читая специальную литературу по педагогическому общению и находя в ней заявления о пользе знаний из психологии невербального поведения, малочисленности конкретных теоретических и эмпирических исследований.

В работах по педагогическому общению традиционно декларируется, что успешность педагогического общения во многом зависит от умения партнеров понимать невербальное поведение друг друга и регулировать его в соответствии с ситуацией педагогического общения. Иными словами, в ней указывается на необходимость моделирования невербального поведения, но при этом не ставятся задачи изучения особенностей кодирования учителями, учениками, студентами, преподавателями невербального поведения. В соответствие со сложившейся традицией не разрабатывается проблема соотношения процессов кодирования и интерпретации у различных субъектов педагогического общения. Поэтому остается малоизученным вопрос о взаимосвязи умений, способностей кодировать и интерпретировать невербальное поведение в педагогическом общении.

Выбор этого вида общения с целью изучения процессов кодирования и интерпретации невербального поведения определяется не только значимостью этих процессов для педагогического общения, но и тем, что педагогическое общение позволяет включить в спектр рассматриваемых факторов все те, которые определяют интерпретацию и кодирование невербального поведения. Во - первых, образовательное пространство является той социо - культурной ситуацией, где неизбежно разворачиваются все характеристики процесса кодирования и интерпретации невербального поведения. Во - вторых, в педагогическом общении участвуют лица, принадлежащие к различным социальным группам, имеющие неоднородный опыт общения, неодинаковую значимость самой ситуации общения и ее участников, отличающиеся набором правил выражения состояний, отношений, степенью стремления осознанно выстраивать невербальный код, передавать не только социальные значения невербального кода, но и его смыслы.

Таким образом, цель приведенного в данном разделе книги исследования заключалась в том, чтобы, выделить типы соотношения успешности кодирования и интерпретации невербального поведения и ответить на вопрос о

роли в успешном протекании этих процессов социально – психологических, личностных, гендерных особенностей субъектов общения.

Эмпирическим объектом исследования явились: 67 старшеклассников, 79 студентов, обучающихся на педагогических факультетах, и 65 начинающих учителей (стаж работы до 5-ти лет). Всего 211 человек в возрасте от 15 до 29 лет, 132 женщины и 79 мужчин.

В этом исследовании проверялся ряд гипотез: 1) успешность кодирования экспрессии эмоциональных состояний, различающихся знаком и модальностью, обусловлена особенностями ситуации социального развития старшеклассников, студентов, начинающих учителей; 2) в зависимости от принадлежности к социальной группе преобладает определенный тип соотношения успешности кодирования и интерпретации экспрессии эмоциональных состояний; 3) различия в типах соотношения успешности кодирования и интерпретации экспрессии эмоциональных состояний обусловлены социально-психологическими, личностными особенностями субъектов педагогического общения.

В качестве главных задач, решение которых представлено в данном разделе книги, выступили следующие задачи: 1) выявить типы взаимосвязей между успешностью кодирования и интерпретации экспрессии эмоциональных состояний; 2) определить направление связей между успешностью кодирования и интерпретации эмоциональной экспрессии и социально-психологическими, личностными характеристиками субъектов педагогического общения; 3) провести сравнительный анализ социально-психологических, личностных особенностей представителей типов соотношения успешности кодирования и интерпретации экспрессии эмоциональных состояний.

Методы исследования:

1. С целью изучения успешности кодирования экспрессии эмоциональных состояний была использована разработанная нами совместно с И.И. Дроздовой процедура (см. параграф 2.3). Участники исследования должны были с помощью лицевой экспрессии целенаправленно и произвольно выражать перед

фотокамерой четыре базовых эмоциональных состояния (радость, страх, гнев, печаль), заданных экспериментатором.

2. Для определения психосемантического пространства невербальных кодов эмоциональных состояний была использована «Методика свободной семантической оценки невербального поведения» (см. параграф 2.1.).

3. Для определения социально-психологических, личностных особенностей субъектов педагогического общения использовались: методика «Диагностика уровня развития способности к интерпретации невербального поведения» (см. параграф 2.3); 16-ти-факторный опросник Р.Кеттелла; методика А.Меграбяна, направленная на диагностику эмпатийных способностей.

Полученные данные были обработаны с использованием таких математических процедур, как корреляционный анализ, сравнение выборок по t-критерию Стьюдента. Обработка данных проводилась с помощью стандартного статистического пакета.

Процедура исследования:

Проведённое нами исследование состояло из нескольких этапов. Для осуществления первого этапа исследования нами были созданы три группы испытуемых: 1) группа - старшекласники, в возрасте от 15 до 17 лет; 2) группа - студенты, в возрасте от 18 до 21 года; 3) группа - учителя, в возрасте от 24 до 29 лет. В каждую группу вошло по 22 человека, среди которых было около 70% женщин и примерно 30% мужчин. У каждого из этих участников исследования определялся уровень развития способности к эмпатийному переживанию, уровень развития способности к интерпретации невербального поведения в межличностном общении, а также диагностировались их социально – психологические, личностные качества.

На втором этапе исследования каждый из 66-ти участников первого этапа исследования должен был целенаправленно и произвольно выразить с помощью лицевой экспрессии перед фотокамерой четыре базовых эмоциональных состояния, заданных экспериментатором: радость, страх, гнев, печаль.

На третьем этапе, через несколько месяцев после того, как участниками исследования было осуществлено кодирование экспрессии эмоциональных состояний, фотоснимки лицевой экспрессии эмоциональных состояний, предъявлялись для интерпретации всем участникам исследования - 211 человек. В эту группу входили субъекты кодирования, то есть те, кто изображал экспрессию состояний (66 человек), знакомые и незнакомые им люди (145 человек) - представители всех трёх групп: старшеклассники, студенты, учителя. Перед ними стояла задача распознать и интерпретировать лицевую экспрессию. Участникам исследования предлагалась следующая инструкция: «Вы видите фотоизображения лицевой экспрессии эмоциональных состояний. Ваша задача заключается в том, чтобы определить какое эмоциональное состояние представлено на фотоизображении». Ответы участников исследования не ограничивались списком эмоциональных состояний. Необходимо было назвать то эмоциональное состояние, которое, по мнению участников исследования, представлено на фотографии. Таким образом, каждое фотоизображение экспрессии эмоциональных состояний интерпретировали более 70 человек. Среди них знакомых было 35%, незнакомых – 65%. В результате были получены данные, свидетельствующие об успешности кодирования и интерпретации лицевой экспрессии эмоциональных состояний.

В качестве критерия успешности кодирования лицевой экспрессии был выбран показатель: «индекс частоты соответствия распознавания экспрессии эмоционального состояния, изображенного на фотоснимке, списку эмоциональных состояний, заданных экспериментатором». В качестве критерия успешности интерпретации лицевой экспрессии эмоциональных состояний, зафиксированной на фото, был использован «индекс частоты совпадения интерпретаций лицевой экспрессии эмоциональных состояний с их интерпретацией субъектом кодирования и списком состояний».

Результаты исследования

В зависимости от сочетания показателей успешности кодирования и успешности интерпретации экспрессии эмоциональных состояний участники

исследования были распределены на четыре группы. Первую группу составили участники исследования, у которых высокий уровень успешности кодирования и высокий уровень успешности интерпретации экспрессии эмоциональных состояний. Во вторую группу вошли участники исследования, которые успешнее кодируют, чем интерпретируют экспрессию эмоциональных состояний. В третью группу мы включили тех, у кого уровень успешности кодирования ниже, чем уровень успешности интерпретации. Четвёртая группа состоит из участников исследования, которые имеют низкий уровень успешности, как кодирования, так и интерпретации экспрессии эмоциональных состояний.

После распределения участников исследования в соответствии с их типом сочетания уровня успешности кодирования и интерпретации экспрессии эмоциональных состояний были созданы их социально – психологические, личностные портреты. В качестве критерия выраженности тех или иных социально-психологических, личностных особенностей были использованы стандарты уровня развития качеств, разработанные для опросника Р. Кэттела, для методики «Диагностика уровня развития способности к интерпретации невербального поведения», для методики А.Меграбяна, направленной на диагностику эмпатии.

Исходя из вышеописанных критериев, первый тип участников исследования (высокий уровень успешности кодирования и интерпретации лицевой экспрессии эмоциональных состояний) имеет ярко выраженные показатели по следующим факторам: I (чувственный - рациональный); M (практичный - мечтательный), N (безыскусственный - искусственный), O (низкий уровень тревожности – высокий уровень тревожности), L (доверчивость - подозрительность), Q1(консерватизм - радикализм), F3 (сензитивный - несензитивный). Учитывая полюс того или иного фактора (черты, качества), социально – психологический, личностный профиль субъектов педагогического общения, вошедших в первую группу, включает: мягкосердечность, чувствительность, идеалистичность, проницательность, осторожность,

тревожность, неуверенность в себе, доверчивость, терпимость, консерватизм. Для них, также, характерен высокий уровень развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения.

Представители второго типа (успешнее кодируют эмоциональные состояния, чем интерпретируют их) имеют высокие показатели по следующим факторам: I (чувственный - рациональный), С (эмоционально неустойчивый – эмоционально устойчивый), Q4 (расслабленный – напряженный). У них сильнее выражены такие качества личности, как мягкосердечность, чувствительность, артистичность, выдержанность, собранность, энергичность, активность. Уровень развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения соответствует среднему и ниже среднего.

Представители третьего типа (успешнее интерпретируют лицевую экспрессию эмоциональных состояний, чем кодируют ее) имеют высокие показатели по следующим факторам: Q1 (консерватизм - радикализм), F2 (интраверт - экстраверт), М (практичность - мечтательность). У них выражены такие качества личности, как радикализм, критичность, практичность, экстравертированность. Они хорошо устанавливают и поддерживают социальные контакты, следуют общепринятым нормам. У представителей этого типа наблюдается самый высокий уровень развития эмпатии и средний уровень выраженности способности к адекватной интерпретации невербального поведения.

Субъекты педагогического общения, отнесенные к четвертому типу (низкий уровень успешности кодирования и интерпретации экспрессии эмоциональных состояний), имеют ярко выраженные показатели по следующим факторам: L (доверчивый - подозрительный), Q1 (консерватизм - радикализм), а наименьшие показатели по факторам О (низкий уровень тревожности – высокий уровень тревожности), Q3 (неконтролирующий – контролирующий эмоции и поведение), Q4 (расслабленный - напряженный). В целом, четвертый тип субъектов педагогического общения отличается подозрительность (недоверчивость), завистливость, эгоцентризм. Они

демонстрируют напряженность в сочетании с самоуверенным, самонадеянным, невозмутимым поведением, стремятся к высокой репутации. Для них в отличие от других типов субъектов общения является характерным высокий уровень развития абстрактного интеллекта и крайне низкий уровень развития эмпатии.

Сравнительный анализ социально-психологических, личностных особенностей представителей первого и четвертого типа соотношения успешности кодирования и интерпретации экспрессии эмоциональных состояний позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, социально-психологический, личностный профиль субъектов педагогического общения, имеющих высокий уровень успешности кодирования и интерпретации экспрессии эмоциональных состояний, указывает на их направленность на других, проявляющуюся в эмоциональной сензитивности. У них достаточно высокий уровень развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения. Для них является характерным проявление доверия, терпимости, поиск помощи и внимания, определенная зависимость от других людей. Такие качества, как тревожность, неуверенность, осторожность, склонность к экспериментированию, любознательность, аналитичность – это фон, на котором разворачиваются процессы кодирования и интерпретации лицевой экспрессии эмоциональных состояний.

Во-вторых, социально-психологический личностный профиль субъектов педагогического общения, имеющих низкий уровень успешности, как кодирования, так и интерпретации, указывает на их направленность на себя (эгоцентричные, самоуверенные, самодостаточные); на преобладание в отношениях с другими подозрительности и завистливости; на аналитический подход к оценке событий и на низкий уровень развития умений сопереживать, сочувствовать, стать на место другого.

В-третьих, представители второго и третьего типов соотношения успешности интерпретации и кодирования лицевой экспрессии эмоциональных состояний также отличаются особенностями направленности личности и отношения к себе и другому. Социально-психологический личностный профиль

субъектов педагогического общения, для которых является характерным более успешное кодирование, чем интерпретация отличаются активностью, энергичностью, артистичностью и, одновременно, это мягкие и чуткие субъекты общения. Представители третьего типа, у которых более высокий уровень успешности интерпретации лицевой экспрессии эмоциональных состояний, чем её кодирования, отличаются от второго типа тем, что у них высокий уровень развития эмпатии. Они являются экстравертами, умеющими устанавливать контакт. В то же время представители третьего типа характеризуются критичностью, прямолинейностью, подозрительностью, желанием следовать общепринятым нормам.

Обсуждение результатов исследования

И так, успешность процессов кодирования и успешность процессов интерпретации лицевой экспрессии эмоциональных состояний обусловлены симптомокомплексом черт, как совпадающих, так и отличающихся по своим социально – психологическим характеристикам у различных типов. Поэтому, рассматривая проблему кодирования невербального поведения и обусловленность данного процесса социально – психологическими, личностными особенностями, необходимо их рассматривать как взаимосвязанные элементы, как симптомокомплекс, придающий качественное своеобразие типу субъекта общения.

Приведенные данные подтверждают предположение о том, что успешное протекание процессов невербального кодирования опирается на ряд навыков, умений, о которых мы писали выше. Так, мы отмечали, что кодирование невербального поведения – это «построенное сообщение», переданное целенаправленно, осознанно, преднамеренно, в соответствии с культурными и социокультурными, социально-психологическими нормами коммуникации, принятыми в определенных типах ситуаций, во взаимодействии с конкретным человеком. Кодирование невербального поведения – это всегда предъявление себя Другому, это всегда управление впечатлением, это всегда конструирование себя для другого. Такая коммуникативная деятельность предполагает

активность, самостоятельность, терпимость, эмоциональную стабильность, выразительность, артистичность субъекта общения. Вместе с этим для создания невербального кода, который бы предьявлял не только состояние, но и отражал отношения партнеров, их установки, интенции, необходимы чувствительность к поведению других людей, развитые социальных способностей. Но самое главное – это доверие или доверчивость. Данная характеристика личности отражает ее отношение к миру людей, она также указывает на отсутствие страха предьявлять себя. Поэтому субъекты общения, которые наряду с активностью, выразительностью, терпимостью, сензитивностью проявляют доверие, успешнее осуществляют невербальное кодирование.

Интересным является тот факт, что субъекты общения, которые успешнее интерпретируют невербальное поведение, обладают набором тех качеств, формирование которых происходит под влиянием постоянной фрустрации базовых социальных потребностей. Они являются зависимыми (несамостоятельными, неактивными), подозрительными (недоверчивыми) обидчивыми, тревожными, неуверенными. Данные психологии невербального поведения указывают на то, что такие социально – психологические личностные особенности часто коррелируют с высоким уровнем развития эмпатии, социально-перцептивных способностей. Некоторые психологи считают, что подозрительность, зависимость делают таких людей очень чувствительными к особенностям поведения партнера. Они стараются контролировать все его невербальное поведение. Постоянное наблюдение и анализ невербального поведения других людей приводит к развитию социально – перцептивных способностей, к эмпатии. Иными словами, не только сочувствие, понимание, принятие, но и отвержение, холодность, непонимание могут стать условиями формирования сензитивного отношения к Другому, навыков анализа и интерпретации его поведения.

Исходя из предложенных нами трактовок полученных данных, необходимо обратить внимание на первый и четвертый тип соотношения успешности кодирования и интерпретации лицевой экспрессии эмоциональных

состояний. Выше мы приводили социально – психологические личностные особенности представителей первого типа. Из этих данных следует, что их личностный профиль включает, как те характеристики, которые свойственны второму типу, так и те, которые наблюдаются у третьего типа, но совокупность черт указывает на качественно иной тип личности. Субъекты педагогического общения, принадлежащие к этому типу, одновременно демонстрируют проницательность, терпеливость и независимость, осторожность. Они стремятся придерживаться норм и правил общения (консервативные индивиды), проявляют также чувствительность, доверчивость, неуверенность, тревожность, идеализируют мир. Для них характерен высокий уровень развития социально-перцептивных способностей.

Кроме этого, субъекты, владеющие как невербальным кодированием, так и интерпретацией невербального поведения, сочетают такие характеристики, которые являются социально – желательными. Они выглядят более благополучными, чем другие типы субъектов педагогического общения. В качестве подтверждения нашим выводам может выступать социально – психологический портрет тех субъектов педагогического общения, которые как неуспешно кодируют, так и неуспешно интерпретируют невербальное поведение. В структуре личности этих субъектов сочетаются эгоцентризм, самоуверенность, самодостаточность, с подозрительностью, завистливостью; высокий уровень развития абстрактного интеллекта сочетается с низким уровнем развития эмпатии. Такой личностный профиль характерен для лиц, переполненных внутриличностными конфликтами, для лиц, у которых фрустрированы базовые социальные потребности.

Влияние гендерного фактора на успешность кодирования и интерпретации лицевой экспрессии

Если учесть тот факт, что в зависимости от принадлежности к социальной группе преобладает определенный тип соотношения успешности кодирования и интерпретации невербального поведения, то можно сделать дополнительные выводы по – поводу того, какие социально – психологические личностные

особенности характерны для старшекласников, студентов, учителей, указать на некоторые особенности социальной ситуации их развития. Начнем с того, что участники исследования успешнее интерпретируют, чем создают невербальные коды. Вместе с этим, соотношение успешности кодирования и успешности интерпретации невербального поведения у мужчин и женщин из разных социальных групп не является одинаковым. В группе старшекласников, как юноши, так и девушки успешнее интерпретируют невербальное поведение, чем кодируют. В студенческой группе наблюдаются различия между юношами и девушками в успешности кодирования и интерпретации. Получены интересные данные, свидетельствующие о том, что юноши - студенты успешнее кодируют, а девушки успешнее интерпретируют невербальное поведение. Мужчины-учителя одинаково успешно кодируют и интерпретируют невербальное поведение, а женщины-учителя значимо успешнее интерпретируют невербальное поведение, чем создают невербальные коды.

В группе старшекласников больше всего тех, кто относится к четвертому типу (41%). Для них характерна низкая успешность кодирования и интерпретации невербального поведения. В группе студентов преобладают те, кто относятся ко второму и третьему типу соотношения успешности кодирования и интерпретации невербального поведения. В группе учителей больше всего (41%) тех, которые успешнее интерпретируют невербальное поведение, чем создают невербальные коды (третий тип).

Большинство женщин – участниц исследования принадлежат к первому и к третьему типу соотношения успешности кодирования и интерпретации невербального поведения. Большинство мужчин являются представителями второго типа. Они успешнее кодируют, чем интерпретируют невербальное поведение. Девушки из группы старшекласников чаще, чем женщины из группы студентов и учителей имеют как низкий уровень успешности кодирования, так и интерпретации невербального поведения. Юноши-старшекласники и студенты более успешно, чем девушки-старшекласницы, студентки и женщины учителя кодируют невербальное поведение.

Среди мужчин-учителей в равной степени представлены как те, которые имеют высокий уровень успешности кодирования и интерпретации невербального поведения, так и те, у которых либо уровень успешности кодирования, либо уровень успешности интерпретации преобладает. Среди женщин учителей чаще всего встречаются представительницы третьего типа. Они лучше интерпретируют, чем кодируют невербальное поведение.

Таким образом, оказывается, что на успешность кодирования и интерпретации невербального поведения оказывает большое влияние гендерный фактор. Известно, что гендерные характеристики включают социально – психологические, личностные особенности. Есть, так называемый, личностный профиль фемининности и личностный профиль маскулинности. Если учесть, что большинство мужчин являются представителями второго типа, т.е. успешнее кодируют, чем интерпретируют, то становится понятным, почему в социально – психологический портрет этой группы вошли такие качества, как активность, самостоятельность, терпимость, эмоциональная стабильность. Выразительность, артистичность, чувствительность к поведению других людей, развитые социально – перцептивные способности не являются привилегией мужчин, как и доверчивость. Скорее эти характеристики входят в портрет фемининного человека. Дополнительный анализ литературы также указывает на то, что перечисленные особенности личности свойственны актерам. Люди данной профессии часто являются носителями, как фемининных, так и маскулинных черт. В данном случае речь не идет об андрогинности. Мы говорим именно о непростом и порой конфликтном сочетании маскулинных и фемининных черт.

Мужчины, принявшие участие в нашем исследовании и демонстрирующие более высокий уровень кодирования, чем интерпретации невербального поведения, являются либо студентами педвуза, либо учителями в школе. Следуя социальным ожиданиям, мужчины значительно реже, чем девушки выбирают профессию учителя. Но наши участники исследования избрали профессию учителя. В данном случае можно было бы говорить о том,

что нам не ясен мотив поступления в педвуз, поэтому мы не можем отнести к их социально – психологическим и личностным особенностям. Но такое право нам дает то, что ко второму типу не столько принадлежат мужчины студенты, сколько мужчины учителя. Возможно, что их социализация осуществлялась таким образом, что создала условия для формирования как фемининных, так и маскулинных черт, возможно, что это привело к возникновению конфликтной гендерной идентичности. Такой социально – психологический статус личности повлек за собой развитие умений кодировать, повлиял на выбор профессии, которая является публичной, которая требует предъявления себя в заданных рамках и постоянное «прочитывание» поведения других.

Среди мужчин есть не только те, кто успешнее кодируют, чем интерпретируют, но и те, которые имеют высокий уровень успешности и кодирования, и интерпретации невербального поведения. Из наших данных следует, что к первому типу чаще всего принадлежат женщины. Из результатов исследования также известно, что совокупность черт первого типа участников исследования включает такие черты, как пронциательность, терпеливость, осторожность, мягкосердечность, чувствительность, доверчивость, неуверенность, тревожность, идеализм и независимость. Практически, все перечисленные характеристики личности, за исключением последней (независимость), являются фемининными чертами. На наш взгляд, из этого следует, что лица с фемининной идентичностью (независимо от того мужчина это или женщина) будут с одинаковой успешностью как кодировать, так и интерпретировать невербальное поведение.

Большинство женщин являются представительницами третьего типа. Они лучше интерпретируют, чем кодируют невербальное поведение. К этому типу принадлежит также часть мужчин. Выше мы отмечали, что для этого типа соотношения кодирования и интерпретации является характерным быть зависимым, подозрительным, обидчивым, тревожным, неуверенным, иметь высокий уровень развития эмпатии. Большинство из перечисленных характеристик относится к, так называемому, негативному спектру фемининных

качеств. Такое социально – психологическое содержание фемининности, обусловлено фрустрацией базовых социальных потребностей в процессе социализации. Возможно, именно данное направление в формировании фемининной идентичности (как мужчин, так и женщин) толкает их к выбору педагогической деятельности, которая предоставляет широкий спектр компенсаций.

Завершая анализ полученных данных, следует отметить, что к четвертому типу кодирования и интерпретации невербального поведения принадлежат как мужчины, так и женщины из различных социальных групп, но чаще всего низкий уровень успешности кодирования и интерпретации (в процентном отношении) характерен для девочек - старшеклассниц. Каковы же личностные особенности этого типа с точки зрения гендерных стереотипов. Нам известно, что этому типу свойственны эгоцентризм, самоуверенность, самодостаточность, высокий уровень развития абстрактного интеллекта, низкий уровень развития эмпатии, сочетающиеся с подозрительностью и завистливостью. Этот набор социально – психологических личностных особенностей включает спектр черт, которые чаще всего относят к маскулинному стереотипу поведения: эгоцентризм, самоуверенность, самодостаточность, высокий уровень развития абстрактного интеллекта, низкий уровень развития эмпатии, а также зависть, подозрительность, которые чаще всего приписываются женщинам. Таким образом, как мужчины, так и женщины с маскулинной гендерной идентичностью, доминантой которой является ярко выраженная направленность на себя, наименее успешно кодируют и интерпретируют невербальное поведение.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного нами прикладного исследования мы еще раз убеждаемся в том, что кодирование и интерпретация невербального поведения являются коммуникативными феноменами, что успешность этих процессов зависит от ряда социально – психологических переменных, среди которых особое место занимают не только принадлежность к

той или иной социальной группе, но и тип гендерной идентичности, социально-психологические и личностные особенности субъектов общения.

Изучение процессов кодирования и интерпретации невербального поведения в ситуации педагогического общения - это только одна из прикладных областей психологии. Разработанная нами методология прикладных исследований кодирования и интерпретации невербального поведения может быть применена в различных сферах человеческой практики.

3.2. Кодирование – распознавание дошкольниками лицевых выражений эмоций

Проблема кодирования - распознавания экспрессии эмоциональных состояний имеет долгую историю изучения и затрагивает вопросы культурного развития взрослого человека и детей. В настоящее время в большей мере в фокусе внимания исследователей находятся взрослые люди как субъекты кодирования и интерпретации невербального поведения. Несмотря на большое количество работ, затрагивающих проблему эмоционального интеллекта, до настоящего времени, как отмечают С. Herba, М. Phillips [Herba, Phillips, 2004] недостаточно изучена данная проблема в детском, подростковом и юношеском возрастах. Авторы статьи отмечают, что возраст, интеллектуальные способности, ситуативный контекст оказывают значительное влияние на развитие эмоциональной компетентности детей, следовательно, на процессы кодирования- распознавания экспрессивного поведения.

Учитывая современный социокультурный контекст развития детей, изучение проблемы кодирования-распознавания детьми экспрессивного поведения имеет особое значение, так как раскрывает различные аспекты становления эмоционального интеллекта, эмоциональной компетентности, [Изотова,2013, Козлова, 2009], прохождения эмоциональной социализации [Загвоздкин,2009, Приходько,2009, Dunsmore, Halberstadt, Perez-Rivera,2009].

Такого рода исследования могут повлиять на смену психологических

технологий в работе с детьми, испытывающими различные социальные трудности. Результаты работ, выполненные в контексте выше указанной проблематики, убедительно доказывают, что различные формы взаимодействия детей с другим человеком (взрослыми, сверстниками) включают установку на понимание эмоциональных состояний, эмоциональное предвосхищение, которое играет важную роль в регуляции общения и взаимоотношений. Выполненные исследования подтверждают, что кодирование и распознавание экспрессии эмоциональных состояний является одним из компонентов социального интеллекта и показателем эмоциональной компетентности [Комкова, 2010, Комкова, Недвецкая, 2012, Прусакова, Сергиенко, 2006; Chinnici, Crippa at al., 2002].

Успешность кодирования и распознавания лицевой экспрессии и жестов оказывает влияние на популярность детей в группе [Boyatzis, Satyarasad, 1994]. К концу дошкольного возраста формируется сензитивность к паттернам эмоционального поведения, указывающим на различные события в сфере межличностных отношений [Springer, Meier & Berry, 1996]. Дети 6-7 лет дифференцированно применяют эмоциональную экспрессию с целью регуляции отношений в различных ситуациях социального взаимодействия [Коваль, 2006], к 5-6 годам они свободно передают в рисунках как собственные, так и чужие эмоции путем изображения адекватных лицевых экспрессий [Прусакова, Сергиенко, 2006]. Кроме этого, в процессе изучения распознавания лицевой экспрессии было установлено, что дети менее успешно распознают экспрессию страха и отвращения, особенно в том случае, когда они предъявляются в паре с удивлением и гневом [Gagnon, Gosselin at al., 2010; Gosselin, Maassarani at al., 2011], что возрастные различия влияют на успешность распознавания неинтенсивной и неоднозначной лицевой экспрессии [Beek, van Y., Dubas, 2008]. В целом, дети отличаются уровнем понимания эмоций [Карелина, 2010; Щетинина, 1984], а развитие способности к распознаванию эмоций по выражению лица у детей идет от визуальной дифференциации эмоциональных состояний, к анализу собственных

эмоциональных состояний, а от них к использованию эталонов эмоции и переходу к категоризации эмоциональных состояний [Листик,2008].

Важным вопросом, рассматриваемым в психологии экспрессивного поведения, является вопрос о преднамеренном контроле детьми движений лица. В исследовании Gosselin P. at ol. [Gosselin at ol., 2011] изучался преднамеренный контроль детьми единиц лицевых выражений грусти и счастья. В этой работе использовался прием лицевого изображения детьми эмоций счастья (радости) и печали. Детей, которые приняли участие в этом исследовании, просто попросили изобразить счастье и печаль настолько убедительно насколько возможно. Главным выводом этого исследования стало то, что дети успешно используют технику «намеренной акции», чтобы продемонстрировать лицевые выражения и тем самым отношение к другому человеку. Начиная с 3-х лет и далее, дети все с большей успешностью применяют «правила кодирования» и регулируют меру соответствия экспрессивного поведения ситуации [Bisson,2013]. Они используют для передачи своих эмоций различные подструктуры невербального поведения, движения и жесты. В паттернах поведения детей могут гармонично взаимодействовать выражения лица и движения тела [Chinnici, Crippa at ol., 2002].

В целом, как в исследованиях, направленных на изучение эмоционального интеллекта взрослых и детей, так и в работах, рассматривающих различные аспекты проблемы кодирования и распознавания эмоциональной экспрессии, подчеркивается, что эмоциональные выражения являются значимыми компонентами взаимодействия, что способность кодировать и распознавать (декодировать) экспрессивное невербальное поведение, свободно и правильно использовать свой экспрессивный репертуар является обязательным условием развития навыков установления нормальных отношений с другими людьми. Различия в кодировании и распознавании эмоциональных состояний рассматриваются в качестве одного из

объяснительных принципов дифференциации социального успеха [Коццолино, 2012, Ambady, Weisbuch, 2010].

Таким образом, распознавание и кодирование дошкольниками лицевой экспрессии эмоциональных состояний указывает на становление у них определенного уровня развития эмоционального интеллекта. Учитывая тот факт, что дошкольники взаимодействуют как со сверстниками, так и с взрослыми, становится необходимым изучение особенностей распознавания дошкольниками кодов экспрессии эмоциональных состояний, смоделированных детьми и взрослыми. Определение таких особенностей может указать на направления развития их эмоционального интеллекта: эмоциональный интеллект в сфере общения со взрослыми; эмоциональный интеллект в сфере общения со сверстниками.

Исходя из выше сказанного, изучение процессов кодирования – распознавания детьми эмоциональной экспрессии предполагает рассмотрение этих процессов с позиции психологии общения, межличностных отношений, с точки зрения социально-эмоционального развития дошкольника, эмоциональной социализации, формирования в дошкольном возрасте социальных чувств и эмоций [Абраменкова,2000; Прихидько,2009; Dunsmore, Halberstadt, Perez-Rivera,2009]. Учитывая зависимость развития эмоциональной компетентности у детей от различных переменных взаимодействия с окружающими людьми, исследование кодирования – распознавания экспрессии эмоциональных состояний предполагает рассмотрение этих процессов в контексте общения детей со сверстниками, в «общении с равными», в «детских сообществах» [Абраменкова,2000], когда их участники являются и субъектами, и объектами процессов кодирования и распознавания, имеют опыт непосредственного общения друг с другом. Такой подход к изучению кодирования-распознавания детьми лицевой экспрессии эмоций может дать больше информации об особенностях распознавания и воспроизведения определенных моделей экспрессивного поведения, принятых в детских сообществах.

Близкой к нашему пониманию процесса кодирования экспрессии состояний является трактовка кодирования, как «невербальное производство – nonverbal production for encoding», а декодирования как восприятие, распознавание – nonverbal perception for decoding [Ambady, Weisbuch, 2010].

Таким образом, успешность кодирования экспрессии эмоциональных состояний определяется нами не только на основе соответствия экспрессивных кодов, разработанным схемам и моделям экспрессии, но и на основе кодирования наблюдателем, включенном в круг общения субъекта кодирования, имеющем непосредственный опыт общения с ним, например, опыт взаимодействия дошкольников со сверстниками в условиях детского сада.

К особенностям общения старших дошкольников, важных для нашего исследования, необходимо отнести яркое выражение консолидации со сверстниками своего пола [Репина, 1984], следовательно, начинают формироваться «мужские и женские» способы кодирования лицевой экспрессии, сензитивность к выражению эмоций представителями своей и другой гендерных групп. Несмотря на большую ориентацию детьми старшего дошкольного возраста на сверстников по сравнению с предыдущими этапами развития, взрослые остаются для них важными партнерами по взаимодействию [Ниманихина, 2011, Сапогова, 1986]. В связи с этим, для выявления особенностей распознавания старшими дошкольниками лицевой экспрессии эмоциональных состояний необходимо также осуществить сравнительное изучение, привлекая детей, которые имеют опыт непосредственного общения с теми сверстниками, которые создали коды лицевой экспрессии и которые входят в одну детскую группу с субъектом распознавания лицевой экспрессии, а также тех детей, которые не имеют опыта непосредственного общения с детьми – субъектами кодирования эмоциональной экспрессии. Реализация принципа сравнительного изучения особенностей распознавания лицевой экспрессии эмоциональных состояний также предполагает использование

кодов, созданных незнакомыми взрослыми людьми, с которыми отсутствует опыт непосредственного общения.

Таким образом, цель исследования заключалась в изучении успешности кодирования-распознавания детьми лицевой экспрессии базовых эмоций в ситуации «общения со сверстниками», в «детских сообществах», где один и тот же дошкольник выступал как в роли субъекта кодирования, так и в роли кодера-наблюдателя. В качестве базовых факторов успешности кодирования-распознавания лицевой экспрессии рассматривались: 1) длительный непосредственный опыт общения детей друг с другом, принадлежность к одной детской группе (знакомые дети); 2) отсутствие опыта общения, совместной деятельности с субъектом кодирования (не знакомые дети, взрослые).

В исследовании проверялась гипотеза о том, что успешность кодирования - распознавания детьми дошкольного возраста экспрессии эмоциональных состояний может быть обусловлена гендерно-возрастными характеристиками моделей лицевой экспрессии и опытом непосредственного общения с ними.

В исследовании приняли участие 100 детей старшего дошкольного возраста (от 6 до 7 лет; 49 мальчиков и 51 девочка), посещающие различные детские сады.

Процедура и методы исследования

Как уже отмечалось выше, одним из вопросов, рассматриваемых в психологии невербального поведения, является вопрос о преднамеренном контроле детьми движений лица. Традиционно, в качестве методического приема используется прием лицевого изображения детьми эмоций [Gosselin, Maassarani et al., 2011]. На первом этапе исследования мы также предлагали детям создать коды лицевой экспрессии четырех эмоциональных состояний: радость, удивление, страх, печаль. Эксперимент проводился индивидуально с каждым дошкольником в специально оборудованном помещении. Дети сидели напротив фотоаппарата. Экспериментатор просил каждого дошкольника показать на своем лице: радость, удивление, страх, печаль. Фотоаппарат фиксировал лицевую экспрессию каждой эмоции после

того, как дети были готовы к созданию экспрессивного кода той или иной эмоции и сообщали об этом экспериментатору. Таким образом, было получено 400 фотоизображений экспрессивных кодов базовых эмоций, созданных детьми: 204 экспрессивных кода, созданных девочками, и 196 кодов, созданных мальчиками. На втором этапе исследования детям, принявшим участие в первом этапе исследования, предъявлялись фотокоды лицевой экспрессии эмоций. Дети должны были выступить в роли кодера-наблюдателя и определить, какую эмоцию выражает лицо. На втором этапе исследования было проведено 20 экспериментальных сессий: каждый участник исследования (кодер-наблюдатель) кодировал в течение одной экспериментальной сессии 20 фотокодов лицевой экспрессии эмоций.

Показатель успешности кодирования детьми лицевой экспрессии эмоций рассчитывался на основе ответов детей кодеров-наблюдателей. Ответы детей – кодеров-наблюдателей сопоставлялись со списком эмоций, которые дети должны были закодировать на первом этапе исследования. Если кодер-наблюдатель называл эмоцию, соответствующую той, которую предлагал экспериментатор изобразить с помощью лицевой экспрессии, то дошкольник – субъект кодирования получал 1 балл. Индекс успешности кодирования дошкольником экспрессии каждой эмоции рассчитывался по следующей формуле: $K = \frac{N}{\Sigma} \times 100$ где K – индекс успешности кодирования; N – количество правильных ответов, которые дали дети кодеры-наблюдатели; Σ – сумма всех полученных ответов. На этом этапе исследования рассчитывался: 1) индекс успешности кодирования экспрессии радости; 2) индекс успешности кодирования экспрессии удивления; 3) индекс успешности кодирования экспрессии страха; 4) индекс успешности кодирования экспрессии печали; 5) интегральный индекс успешности кодирования экспрессии эмоциональных состояний; 6) индекс успешности кодирования эмоциональной экспрессии знакомых и не знакомых детей (мальчики и девочки); 7) индекс успешности кодирования выражения собственного лица.

На третьем этапе исследования с целью изучения особенностей распознавания детьми дошкольного возраста экспрессии эмоциональных состояний, была разработана процедура исследования, в основе которой лежит созданная нами методика «Диагностика уровня развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения» (см. параграф 2.3). В настоящем исследовании с целью определения особенностей распознавания детьми дошкольного возраста лицевой экспрессии взрослых применялся третий субтест, входящий в набор «задач» методики «Диагностика уровня развития способности к адекватной интерпретации невербального поведения». Условное название данной «задачи» - «мимика». Экспериментатор просил определить на основе фотомodelей выражения лица (женщины, мужчины) эмоциональное состояние. Ответы участников исследования оценивались по трех балльной системе: 3 - балла за ответ, если его психологическое значение соответствовало следующим эмоциональным состояниям: - радость, удивление, страдание, страх, гнев, презрение (отвращение); 2 балла ставилось за ответ тогда, когда респондент не указывал прямо на психологическое значение экспрессии лица, а называл ситуацию, в которой она встречается; 1 - балл приписывался тем ответам, которые несут элемент психологической интерпретации, но не соответствуют лицевой экспрессии эмоциональных состояний, представленных на предъявляемых фотомodelях.

В качестве критерия успешности распознавания лицевой экспрессии эмоциональных состояний, смоделированных детьми, зафиксированных на фото, был использован «индекс частоты совпадения интерпретаций лицевой экспрессии эмоциональных состояний с их интерпретацией субъектом кодирования и списком состояний, которые предлагались детям для кодирования». В данном исследовании рассматривались следующие индексы успешности распознавания лицевой экспрессии эмоциональных состояний: 1) интегральный индекс успешности распознавания экспрессии эмоциональных состояний, смоделированной детьми; 2) интегральный индекс успешности распознавания детьми экспрессии эмоциональных состояний, смоделированной

взрослыми людьми; 3) индекс успешности распознавания эмоциональной экспрессии знакомых и не знакомых детей (мальчики и девочки); 4) индекс успешности распознавания выражений собственного лица «Я- экспрессий».

С целью обработки полученных данных применялся Т – критерий (сравнение парных выборок). В сборе эмпирических данных участвовала Ю. Б. Коваль.

Результаты исследования

В таблице 1 приведены средние значения успешности кодирования дошкольниками лицевой экспрессии эмоций в зависимости от их модальности и других факторов.

Таблица 1

Успешность кодирования дошкольниками лицевой экспрессии эмоций

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
М	7,7	3,1	6,2	2,4	4,7	4,9	5,1	6,0	5,0	5,0	5,6	4,7	4,7	4,8

Пояснение к таблице 1- 1.успешность кодирования участниками исследования экспрессии радости; 2.успешность кодирования участниками исследования экспрессии удивления; 3.успешность кодирования участниками исследования экспрессии печали; 4.успешность кодирования участниками исследования экспрессии страха;5.успешность кодирования участниками исследования четырех базовый эмоций; 6.успешность кодирования девочками четырех базовых эмоций; 7.успешность кодирования мальчиками четырех базовый эмоций; успешность кодирования собственных выражений эмоций; 9.успешность кодирования знакомыми детьми базовых эмоций; 10. Успешность кодирования не знакомыми детьми базовых эмоций; 11.успешность кодирования знакомыми мальчиками базовых эмоций; 12. Успешность кодирования не знакомыми мальчиками базовых эмоций;13. Успешность кодирования знакомыми девочками базовых эмоций; 14.успешность кодирования не знакомыми девочками базовых эмоций.

Из данных, приведенных в таблице 1, следует, что успешность кодирования дошкольниками лицевой экспрессии эмоций изменяется в зависимости от влияния нескольких факторов: 1)модальность эмоции (радость, удивление, печаль, страх); 2) от пола субъекта кодирования (мальчики, девочки); 3) от опыта общения кодера – наблюдателя (знакомые – не знакомые дети); от сочетания пола субъекта кодирования и степени его знакомства

(знакомый – не знакомый) кодеру-наблюдателю; от принадлежности кода лицевой экспрессии эмоций субъекту кодирования «Self-code».

Успешнее всего дошкольники кодируют лицевую экспрессию радости (M=7,7) и печали (M=6,2); лицевую экспрессию эмоций, принадлежащую субъекту кодирования «Self-code» (M=6,0); лицевое выражение эмоций знакомых мальчиков (M=5,5); лицевое выражение эмоций мальчиками.

Таблица 2

Сравнительный анализ влияния факторов успешности кодирования дошкольниками лицевой экспрессии эмоций

Пары показателей	M	t	Sig.(2-forei.)
Кодирование радости – кодирование удивления	4,6	5,59	,00
Кодирование радости – кодирование печали	1,5	1,88	,06
Кодирование радости – кодирование страха	5,3	6,56	,00
Кодирование удивления – кодирование печали	-3,1	-11,4	,00
Кодирование удивления – кодирование страха	,68	3,68	,00
Кодирование печали– кодирование страха	3,8	14,7	,00
Кодирование всеми детьми 4-х эмоций – кодирование девочками 4-х эмоций	,12	-1,29	,19
Кодирование всеми детьми 4-х эмоций – кодирование мальчиками 4-х эмоций	-,40	-4,37	,00
Кодирование девочками 4-х эмоций – кодирование мальчиками 4-х эмоций	-,27	-3,02	,00
Кодирование всеми детьми 4-х эмоций - кодирование «Self-code»	1,2	-4,77	,00
Кодирование знакомыми детьми эмоций- кодирование незнакомыми детьми эмоций	,03	-,274	,78
Кодирование знакомыми мальчиками эмоций-кодирование незнакомыми мальчиками эмоций	,88	4,91	,00
Кодирование знакомыми мальчиками эмоций – кодирование знакомыми девочками эмоций	,83	5,75	,00
Кодирование незнакомыми мальчиками эмоций – кодирование незнакомыми девочками эмоций	-,10	-,865	,38
Кодирование знакомыми девочками эмоций- кодирование незнакомыми девочками эмоций	-,05	-,508	,61

В таблице 2 приводятся данные о дифференцированном влиянии выше обозначенных факторов на успешность кодирования лицевой экспрессии эмоций. Коэффициент t свидетельствует о том, что успешность кодирования радости и печали значимо выше, чем успешность кодирования удивления и страха, а успешность кодирования удивления значимо выше, чем успешность кодирования страха. Намного успешнее кодируется лицевая экспрессия мальчиками, чем девочками ($t = -3,02$). Дошкольники намного успешнее кодируют собственную лицевую экспрессию («Self-code») по сравнению с кодированием лицевой экспрессии эмоций других детей ($t = -4,7$).

Отсутствуют значимые различия в кодировании лицевой экспрессии эмоций знакомых и не знакомых детей ($t = -,27$) в том случае, когда не учитывается пол субъекта кодирования. Кодирование лицевой экспрессии знакомых мальчиков значимо выше, чем не знакомых ($t = 4,9$), а также чем знакомых девочек ($t = 5,756$). В тоже время отсутствуют значимые различия в кодировании лицевой экспрессии эмоций знакомых и не знакомых девочек ($t = ,50$).

Таблица 3

Сравнение успешности распознавания детьми кодов лицевой экспрессии эмоциональных состояний (КЭС), смоделированных сверстниками и взрослыми

Успешность распознавания детьми лицевой экспрессии сверстников и взрослых	t	Sig.(2-forei.)
Взрослые КЭС - Детские КЭС.	3,09	,003
Взрослые КЭС – «Я –КЭС»	-3,40	,001
Распознавание детьми КЭС, созданных сверстниками из своей и чужой группы	-,274	,784
Детские КЭС – «Я –КЭС»	- 5,32	0,00
Распознавание детьми КЭС, созданных девочками из своей и чужой группы	1,40	,163
Распознавание детьми КЭС, созданных мальчиками из своей и чужой группы	-1,00	,315

В таблице 3 зафиксированы показатели, указывающие на существенные различия в распознавании дошкольниками лицевой экспрессии эмоциональных состояний, смоделированных взрослыми и детьми – участниками исследования.

Уровень успешности распознавания дошкольниками лицевой экспрессии, смоделированной взрослыми, намного выше, чем лицевой экспрессии, смоделированной сверстниками, но намного ниже, чем успешность распознавания «Я - кодов лицевой экспрессии». Такая же закономерность наблюдается и в том случае, когда сравниваются индексы распознавания кодов лицевой экспрессии, созданных сверстниками и «Я - кодов лицевой экспрессии».

Интересным является тот факт, что дошкольники с одинаковой успешностью распознают коды лицевой экспрессии, смоделированные детьми, которые принадлежат и не принадлежат к группе субъекта распознавания. Иными словами, дошкольники понимают лицевую экспрессию как тех детей, с которыми они имеют опыт непосредственного общения, так и тех, с которыми такой опыт общения отсутствует. Вместе с этим, наблюдается тенденция при сочетании возраста (дети) и пола дошкольники с различной успешностью распознают коды лицевой экспрессии состояний девочек и мальчиков, с которыми субъекты распознавания общаются длительное время.

Успешность распознавания кодов лицевой экспрессии состояний, созданных девочками из своей группы, выше, чем успешность распознавания кодов лицевой экспрессии состояний, созданных девочками из чужой группы. Иная тенденция наблюдается тогда, когда распознаются коды лицевой экспрессии состояний, созданные мальчиками. Успешность распознавания кодов лицевой экспрессии состояний, созданных мальчиками из чужой группы, выше, чем успешность распознавания кодов лицевой экспрессии состояний, созданных мальчиками из своей группы.

Эти данные дополняются результатами сравнительного анализа успешности распознавания моделей лицевой экспрессии, отличающихся гендерными характеристиками. Так, лицевая экспрессия, смоделированная

мальчиками, распознается значительно успешнее, чем лицевая экспрессия, созданная девочками ($T=3,439$) не зависимо от опыта общения с ними. Значимые различия отсутствуют в успешности распознавания дошкольниками лицевой экспрессии, смоделированной взрослыми мужчинами и женщинами. Между мальчиками и девочками отсутствуют различия в распознавании «Я - кодов лицевой экспрессии».

Обсуждение результатов исследования

Проведенное нами исследование подтверждает выводы ряда работ о том, что дети дошкольного возраста владеют различными техниками кодирования лицевой экспрессии эмоций [Bisson,2013]. В нашей работе получены данные о том, что дошкольники менее успешно кодируют лицевую экспрессию страха и удивления, что отмечается также в исследовании [Щетинина, 1984; Gagnon, Gosselin at ol., 2010]. Наши данные также согласуются с выводами о том, что дети успешно осуществляют преднамеренный контроль движений лица, образующих грустные и счастливые выражения [Gosselin, Maassarani, 2011]. В нашем исследовании мы не обнаружили ярко выраженного дифференцированного влияния поло - возрастных факторов на кодирование экспрессии базовых эмоций. Данный вывод согласуется с результатами тех работ, в которых утверждается, что поло - возрастные факторы в большей мере влияют на успешность распознавания неинтенсивной и неоднозначной лицевой экспрессии [Beek, Dubas, 2008]. Но мы обнаружили, что влияние полового фактора на процессы кодирования усиливается в сочетании с показателями опыта общения дошкольников друг с другом.

Результаты исследования подтверждают гипотезу в той ее части, которая касается возрастных характеристик моделей лицевой экспрессии: успешнее распознается детьми лицевая экспрессия взрослых людей. Можно предположить, что сензитивность дошкольников к экспрессивному поведению взрослых выше, в связи с тем, что на протяжении всего периода дошкольной социализации взрослый остается наиболее значимым партнером по общению. Вместе с этим, мы видим, что появляющаяся в старшем дошкольном возрасте

ориентация на сверстников как партнеров по взаимодействию начинает способствовать развитию понимания выражений лица сверстников, отличающихся гендерными особенностями и относящихся к своей и чужой детской группе.

Гендерные характеристики лицевой экспрессии взрослых людей не оказывают существенного влияния на успешность ее распознавания. Гендерный статус моделей лицевой экспрессии влияет на успешность распознавания в том случае, когда экспрессия смоделирована детьми. Данная закономерность нарушается тогда, когда в качестве объекта распознавания выступают «Я - коды лицевой экспрессии». Результаты исследования, указывающие на то, что дошкольники, воспринимая собственные выражения эмоций, демонстрируют более точное их понимание, чем при распознавании лицевой экспрессии, смоделированной взрослыми людьми, требуют дополнительной проверки. Саморефлексия экспрессии затруднена тем, что она не дана для непосредственного наблюдения самому субъекту выражения и у дошкольников недостаточно развиты навыки контроля своего поведения и наблюдения за ним.

Заключение

Выполненное исследование было осуществлено нами с позиций психологии общения. Мы рассматривали особенности кодирования – распознавания дошкольниками экспрессии в «общении с равными», в «детских сообществах», когда один и тот же дошкольник выступает как в роли субъекта кодирования, так и в роли кодера-наблюдателя. В отличие от других работ мы предложили рассматривать успешность кодирования - распознавания детьми лицевой экспрессии эмоций на основе ответов кодера-наблюдателя, включенного в круг общения субъекта кодирования. С целью определения влияния опыта общения на успешность кодирования- распознавания экспрессии нами был введен фактор: «знакомые – не знакомые», то есть, дети, которые имеют длительный непосредственный опыт общения друг с другом, принадлежат к одной детской группе (знакомые), и дети, которые не имеют опыта совместной деятельности, общения друг с другом, принадлежат к

различным детским группам (не знакомые). Учитывая тот факт, что общение детей разворачивается в пространстве вертикальных (взрослые) и в пространстве горизонтальных (сверстники) связей, мы осуществили сравнительное изучение успешности распознавания лицевой экспрессии, смоделированной детьми и взрослыми, усиливая фактор опыта общения с субъектами кодирования. В процессе проверки нашей гипотезы о влиянии опыта общения дошкольников со сверстниками и взрослыми на успешность распознавания лицевой экспрессии эмоций мы также рассмотрели влияние половых и возрастных характеристик моделей лицевых экспрессий состояний.

В целом, мы получили результаты, которые подтверждают выдвинутую нами гипотезу и, одновременно, уточняют ее. Успешность распознавания экспрессии эмоциональных состояний обусловлена ни одним из изучаемых нами факторов, а взаимодействием трех изучаемых факторов: гендерные, возрастные характеристики моделей лицевой экспрессии, опыт непосредственного общения с субъектами кодирования. Иными словами, влияние непосредственного опыта общения со сверстниками и взрослыми на успешность распознавания лицевой экспрессии эмоциональных состояний должно рассматриваться в совокупности с гендерными и возрастными характеристиками моделей лицевой экспрессии.

С точки зрения развития эмоционального интеллекта у дошкольников следует отметить то, что уровень эмоционального интеллекта дошкольников может изменяться в зависимости от ряда ситуативных факторов. В большей мере эмоциональный интеллект дошкольников выражен тогда, когда они общаются со взрослыми, и в том случае, когда у них есть опыт общения со сверстниками, особенно с девочками.

Заключение. Правила и принципы визуальной психодиагностики личности на основе ее невербального поведения

Как известно, одной из визуальных практик, сложившихся в истории человечества, является практика «визуальной психодиагностики личности на основе ее внешнего облика и невербального поведения». Данный вид визуальной практики активно применяется как в научных целях, так и в практико-ориентированной деятельности психологов, психотерапевтов, социальных работников, педагогов и т.д. Несмотря на огромный интерес к «визуальной психодиагностике личности на основе ее внешнего облика и невербального поведения», на тот факт, что в последнее время все больше и больше появляется книг, претендующих на освещение вопросов, касающихся визуальной диагностики личности [Беликова, 2007, Богуславский, 2004, Самойлова, 2007, Глас, 2006, Петрова, 2001, Попов, 2002, Степанов, 2004; и многие другие], методология данного направления практической деятельности остается еще недостаточно разработанной.

В заключение данной книги мы предлагаем обратиться к визуальной психодиагностике, правила и принципы которой были разработаны на основе методологии проведения прикладных исследований кодирования и интерпретации невербального поведения, представленной в трех разделах этой книги. Остановимся подробнее на принципах и правилах визуальной психодиагностики личности, разработанных для профессиональных психологов.

1. Для практикующих психологов должно стать аксиомой то, что люди реагируют раньше и быстрее на невербальном уровне, чем оказываются готовы или способны выразить словами свои чувства и мысли. В целом, общение начинается до того момента, как человек произнесет первое слово. Оно начинается на невербальном уровне, поэтому в обыденном общении каждый из

партнеров осуществляет визуальную диагностику на основе невербального поведения.

2. В контексте визуальной психодиагностики на основе невербального поведения необходимо самоопределиться в поисках ответов на следующие вопросы: насколько точно можно судить о психологических особенностях человека на основе его невербального поведения?; каковы социально-психологические механизмы, обеспечивающие точность понимания другого на основе его невербального поведения?; какие факторы, условия могут повлиять на адекватность психологической интерпретации невербального поведения?; в какой степени сложившиеся у практикующего психолога эталоны, стереотипы, интерпретационные схемы взаимосвязей между внешним и внутренним могут повлиять на результаты психодиагностики?

3. Для того чтобы самоопределиться с ответами на эти вопросы, необходимо помнить, во-первых, о том, что познающий субъект включает в образ о другом человеке, наряду с его физическими, индивидуально-психологическими особенностями, деятельностные, коммуникативные, рефлексивные характеристики, стремится к интерпретации причин, мотивов поведения, к социально-психологической типизации. Следовательно, визуальная психодиагностика не ограничивается указанием только на состояния человека, его отношения к Другому. В образах и представлениях о другом человеке, формирующихся на основе невербального поведения, отражаются все компоненты структуры личности и характер ее связей с другими людьми в процессе общения и совместной деятельности.

Во-вторых, ориентироваться на то, что существуют неоднозначные связи между невербальным поведением и психологическими, социально-психологическими характеристиками личности, которые способствуют формированию широкого психосемантического, смыслового пространства невербального поведения.

В-третьих, в процессе визуальной диагностики учитывать базовые особенности невербального поведения. Среди них динамичность

невербального поведения, как совокупности определенных экспрессивных знаков, организуемых в пространственно-временные структуры и «непрерывно перестраивающихся» в соответствии с состояниями и отношениями личности, возникающими по ходу деятельности и общения.

В-четвертых, помнить о том, что предметом восприятия, понимания, интерпретации выступает невербальное поведение не столько как нечто внешнее, объективно данное, а как показатель скрытых для непосредственного наблюдения психологических и социально-психологических характеристик личности. С этой точки зрения должно рассматриваться невербальное поведение в различных вариантах социальной перцепции, которые лежат в основе визуальной психодиагностики. Невербальное поведение в соответствии со схемой социально-перцептивных процессов [Андреева,1980] выступает в качестве объекта интерпретации в трех ипостасях: невербальное поведение отдельной личности; невербальное взаимодействие и невербальное поведение малых и больших групп. В первом случае, как показатель психологических особенностей личности, во втором, как знак процессов, разворачивающихся в малой группе, и в третьем случае, как характеристика общности.

4. Визуальная психодиагностика личности должна осуществляться на основе следующих представлений о невербальном поведении:

1) Невербальное поведение – это явления, имеющее прямое отношение к психологическим и социально-психологическим особенностям личности, к социально - психологическим параметрам группового поведения;

2) Невербальное поведение создает образ и выявляет внутреннюю структуру человека. Невербальное поведение человека отражает не только историю формирования, социализации конкретного индивида, но и общности, к которой он принадлежит.

3) Невербальное поведение личности зависит: от возраста, пола; от контекста общения; от социального статуса и положения партнеров в обществе; от отношений партнеров; от конкретных задач общения, которые приходится решать человеку.

4) Невербальное поведение – это «осязаемое данное» [Рубинштейн,1940], наделенное самостоятельными функциями в общении: коммуникативной, когнитивной, аффективной, регулятивной;

5) Элементы невербального поведения, входящие в его структуру, отличаются степенью их доступности для осознания и контроля со стороны человека;

6) Невербальное поведение является интегратором осознаваемых, мало осознанных и бессознательных состояний, отношений, переживаний, мотивов, установок личности. Осознаваемые и неосознаваемые невербальные компоненты выражения личности, образующие внешний невербальный образ Я личности, несут информацию: о темпераменте, об актуальных психических состояниях, о модальности, знаке отношения к себе и к другому, о желаниях, ценностных установках, о переживаниях и стремлениях личности, о ее социальном и социально-психологическом статусе. Они указывают направление идентификации – отчуждения личности.

5. Конвенциональные, интенциональные, произвольные жесты, телодвижения, позы, выражения лица успешно кодируются. Они представляют систему кодов и в большей степени выражают осознаваемые личностью состояния, отношения и переживания.

6. Для моделирования невербального поведения (создания кода) необходимо знать: о чувствах партнера; иметь ввиду «историю» взаимоотношений одного человека с другим; учитывать модальность переживания прошлого опыта общения; степень знакомства друг с другом, значимость партнера в контексте достижения поставленных целей; тип социальной ситуации, характерные для него нормы невербального поведения.

7. Кодирование невербального поведения предполагает не только соответствие культурным, конвенциональным нормам, но и ряду социально-психологических норм, выработанных в определенных типах ситуаций общения, во взаимодействии с конкретным человеком. Поэтому в структуре невербального поведения (кода) всегда будут находиться элементы, степень

осознания которых заметно различается, смысл и значение которых не ясны не только субъекту кодирования, но и интерпретатору.

9. В процессе визуальной диагностики необходимо обращать внимание не только на формирование умений осознанно, осмысленно изменять структуру кода в соответствии с различными переменными контекста, ситуации общения, но и на те социально-психологические, гендерно-возрастные особенности участников взаимодействия, которые могут влиять на успешность этого процесса.

10. В ситуации визуальной психодиагностики необходим дифференцированный подход к невербальному поведению как системе кодов, предполагающий учет ряда контекстуальных переменных, устойчивость - изменчивость невербальных кодов, жесткость - вариативность его связей с психологическими особенностями личности, степень осознания образующих его элементов, меру контроля, исходя из того, какие психологические образования он представляет.

11. Интерпретация невербального поведения, лежащая в основе визуальной психодиагностики личности, приводит к появлению определенных результатов диагностики: образов, представлений, схем, основным содержанием которых являются психологические и социально психологические характеристики личности и ее взаимодействия с другими людьми. Она актуализирует физиогномические эталоны, стереотипы, интерпретационные схемы, сложившиеся у личности, что оказывает непосредственное влияние на результаты визуальной психодиагностики.

12. Интерпретация содержит в себе личностные определения одного человека другим, выражает отношение субъекта к объекту суждения, в ней представлен опыт психолога - практика, осуществляющего визуальную диагностику. В этой связи необходимо учитывать психологу-практику следующие особенности интерпретации: «пристрастность», зависимость содержания интерпретации от различных переменных взаимодействия, в том числе от отношения к клиенту; зависимость целенаправленности и меры

осознанности интерпретационной деятельности от поставленных практических задач, решение которых предполагает творческий подход, включение воображения.

13. В процессе визуальной диагностики личности на основе ее невербального поведения образуются у практикующего психолога интерпретационные схемы. Интерпретационные схемы актуализируются в момент возникновения интерпретационной деятельности, в ситуациях, включающих проблему, коммуникативную, социально - перцептивную задачу, они отражают интерпретационные возможности психолога – практика. Тип складывающейся интерпретационной схемы оказывает влияние на успешность решения этих задач, на адекватность понимания, на выбор «нужного» значения из всего «поля» психологических значений невербального поведения.

14. В профессиональной визуальной диагностике процесс интерпретации включает сформировавшиеся «интерпретационные установки». Актуализация в сознании психолога – практика различного рода обобщений, образов - представлений, «интерпретационных схем» направляет процесс интерпретации и тем самым оказывает влияние на его результаты. Сформировавшиеся структуры знаний помогают опознавать, объяснять, предсказывать события, быстро категоризовать объекты и идти за пределы непосредственной информации. Процесс интерпретации будучи творческим, целенаправленным и осмысленным, управляется «прототипными знаниями», «интерпретационными установками и схемами», сложившимися стереотипами, которые существуют «самостоятельно», независимо от ситуаций общения, которые их породили, влияние которых чаще всего не осознается психологом- практиком. Они управляют интерпретацией, влияют на ее адекватность, следовательно, на результаты визуальной диагностики.

15. С целью повышения уровня адекватности интерпретации невербального поведения необходимо соотносить ее особенности с особенностями самого невербального поведения (целостность, вариабельность, динамичность, изменчивость его элементов в конкретных условиях

взаимодействия, отсутствие жестких связей с психологическими и социально - психологическими характеристиками личности и группы, сложность и специфичность невербального поведения, как «визуального текста». Объединяясь, базовые характеристики интерпретации и невербального поведения наделяют специфическими чертами визуальную психодиагностику личности, среди которых незавершенность и риск расширения психосемантического пространства, приводящие к повышенному уровню субъективизма.

16.С целью снижения риска «пристрастности» интерпретации необходимо наращивать опыт общения, подкрепляемый обращением к различным источникам информации, в которых представлен как научный, художественный, так и практический опыт интерпретации невербального поведения, что приведет к расширению тезауруса психологических и социально-психологических особенностей личности и группы.

17.Учитывая роль «интерпретационных схем» в визуальной диагностике личности необходимо практикующему психологу осуществлять проверку точности, дифференцированности, психологической многозначности сложившихся или складывающихся у него «интерпретационных схем», определять уровень сложности – простоты эталонов экспрессии состояний, отношений, которые у него сформировались. Необходимо также формировать навыки «умозаклюющей интерпретации», развивать определенный тип воображения.

В целом, способности к интерпретации невербального поведения личности и моделированию невербального поведения в соответствии с ситуацией общения являются основой визуальной психодиагностики. Опора в практике визуальной диагностики на интерпретацию не исключает доверия к эмпатии и интуиции, как механизмов проникновения во внутренний мир человека. Для успешного кодирования невербального поведения необходимо развивать экспрессивный репертуар, способность передавать с помощью невербального кода важную для партнеров по общению информацию,

проявлять способности, базирующиеся на социально - психологической наблюдательности, проницательности, социальном интеллекте.

Литература

1. Абакумова И.В., Ермаков П.Н. Поиск личностного в личности: хронология становления смыслоцентризма в отечественной психологии/Психология личности. М.: Эксмо, 2007. С.51-85.
2. Абраменкова В.В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. М.: Модек. 2000.
3. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. В 2 -х т. М., 1980.
4. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 1997.
5. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Изд-во Московского университета, 1980.
6. Андреева И.Н. Эмоциональный интеллект: исследование феномена// Вопросы психологии.2006.№3. С.78-86.
7. Анцыферова Л.И. Проблема психотонической активности и научное наследие Анри Валона // Психологический журнал. 1981, N1. С. 154 - 159.
8. Асмолов А.Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, 2001.
9. Бабушкин В.У. Об антропологической модели понимания // Вопросы философии. 1986.N 9. С.57 - 59.
10. Барабанщиков В.А.Экспрессии лица и их восприятие. М.: ИП РАН. 2012.
11. Барт Р. Мир полон знаков// Знаки и символы. Энциклопедия. М., 2002, с. 138 - 139
12. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.,1979.
13. Беликова Т. Лицо и личность. Питер, 2007.
14. Богуславский В.М. Оценка внешности человека. М., 2004.
15. Бодалев А.А. Личность и общение. М.: МГУ, 1983.
16. Боядис Р., Макки Э Резонансное лидерство. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.

17. Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура. М.: Научный мир, 2004 –440 с.
18. Вайсбах Х., Дакс У. Эмоциональный интеллект. – М.: Лик Пресс, 1998.
19. Волконский С. Выразительный человек. СПб., 1913.
20. Волконский С. Человек на сцене. СПб., 1912.
21. Вулис А.З. Литературные зеркала. М., 1991.
22. Выготский Л.С.Собрание сочинений в 6-ти т. М.,1982.
23. Гармаева Т.В. Социокультурные и этнопсихологические детерминанты кодирования эмоций [Электронный ресурс]//Психологические исследования: электронный научный журнал.-2009. № 1(3). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 9.01.2014).
24. Глас Л. Я читаю ваши мысли. М., 2006.
25. Гоулман Д., Бояцис Р., Макки Э. Эмоциональное лидерство. Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.
26. Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. М.-Вена, 2001
27. Доржминчингийн Дэлгэрмаа Особенности распознавания лицевой экспрессии российскими и монгольскими старшеклассниками// Автореф. канд. дис., Ростов-на-Дону, 2002.
28. Доценко Е.Л. Семантика межличностных отношений. Дисс. на соискание ученой степени доктора наук. М. 2000.
29. Дроздова И.И. Кодирование и интерпретация экспрессии эмоциональных состояний субъектами педагогического общения// Автореф. канд. дис., Ростов-на-Дону, 2003.
30. Екинцев В.И., Соболева М.А. Психология понимания человека человеком: взаимодействие и организация знаний. Чита: Изд-во ЗабГПУ. 2004.
31. Жан Жорж Знаки и символы. Энциклопедия. М., 2002.

32. Загвоздкин В.К. Эмоциональный интеллект и его развитие в условиях семейного воспитания//Культурно-историческая психология. 2008. №2. –С. 97-103.
33. Зайцева К.А., Орлов А.М. Оценка связи восприятия эмоциональной интонации речи с компонентами эмоционального интеллекта// Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т.9.№1. С.126-134.
34. Зинченко В.П. Психология на качелях между душой и телом / / Человек. 2005. № 2. С.92-102; 2005. № 3. С. 46-57.
35. Изард К. Психология эмоций. СПб, 2000.
36. Изотова Е.И. Феноменология эмоционального развития современных дошкольников//Психологические исследования: электронный научный журнал.2013.Т. 6. № 29.
37. Ильин И.А. О связанности людей в добре и зле // Психологический журнал. 1993, N 2. С.131 - 135.
38. Канке В.А. Семиотическая философия. –Обнинск, 1997.
39. Карелина И. О. Проблема понимания эмоций детьми дошкольного возраста//Ярославский педагогический вестник (Психолого-педагогические науки). 2010. Т. II. № 4. С.241-247.
40. Коваль Ю.Б Особенности выбора дошкольниками эмоциональной экспрессии с целью регуляции отношений в различных ситуациях социального взаимодействия// Гуманитарные и социально-экономические науки. 2006. №6. С.97-102.
41. Козлова Е.В. Социально-эмоциональное развитие старших дошкольников //Мир науки, культуры, образования. 2009.№ 7 (19). С.178-182.
42. Комкова Е.И, Недвецкая Т.М. Идентификация эмоций как показатель эмоционального интеллекта у старших школьников// Инновационные образовательные технологии. 2012.№ 1 (29). С. 53-58.
43. Комкова Е.И. Эмоциональный интеллект и восприятие детьми дошкольного возраста семейных отношений// Вестник ВятГУ. 2010. № 4(1). С.159-163.

44. Коццолино М. Невербальная коммуникация. Теории, функции, язык и знак. Харьков: «Гуманитарный Центр». 2009.
45. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение. 2002.
46. Кривошлыков И. А. Распознавание невербальной экспрессии как условие субъективного благополучия в интимно-личностных отношениях в подростковом и юношеском возрастах //Интернет-журнал «Наукovedenie». 2013. №4 -<http://naukovedenie.ru> 16ПВН413 (дата обращения: 25.03.2014)
47. Куница В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение.- СПб: Питер, 2001.
48. Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов-на-Дону: Изд-во Феникс, 1999.
49. Лабунская В.А., Дроздова И.И. Социально - психологические особенности субъектов педагогического общения с различным типом соотношения успешности кодирования и интерпретации экспрессии эмоциональных состояний //Северо-Кавказский психологический вестник. Ростов-на-Дону. 2003. № 1. С.248-259.
50. Леонтьев Д.А Новые горизонты проблемы смысла в психологии // Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла): материалы международной конференции. М.: Смысл. 2005. С. 36-49.
51. Листик Е.М. Исследование развития способности к распознаванию эмоций по выражению лица у детей старшего дошкольного возраста // Вестник МГПУ Серия «Педагогика и психология». 2008. №2 (23).С. 68 - 81.
52. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте Социальный интеллект. Теория, измерение, исследования.– М.: Институт психологии РАН, 2004. С.29-38.
53. Меграбян А. Психодиагностика невербального поведения. СПб.: Речь. 2001.

54. Менджеричкая Ю.А. Особенности эмпатии субъектов затрудненного и незатрудненного общения / Психология затрудненного общения. – М.: Академия, 2001. С.179-192.
55. Ниманихина О.И. Взаимодействие с взрослыми как пространство развития психологического здоровья старших дошкольников// Российский психологический журнал. 2011.№3.С.81-85.
56. Панферов В.Н. Психология человеческих отношений. СПб: АННО ИПП, 2009.
57. Панферов В.Н. Восприятие и интерпретация внешности людей // Вопросы психологии. 1974. N 2. С.59-64.
58. Петрова Е.А. Жесты в педагогическом процессе. М., 1998.
59. Петрова Е.А. Знаки общения. Визуальная психосемиотика. М., 2001.
60. Пиз А. Язык жестов. Воронеж, 1992
61. Попов С.В. Визуальное наблюдение. Санкт-Петербург, 2002.
62. Приходько А.И. Эмоциональная социализация: содержание и механизмы // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2009. N 4(6). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 25.12.2013).
63. Прусакова О.А., Сергиенко Е.А. Понимание эмоций детьми дошкольного возраста//Вопросы психологии.2006.№4.С.24-36.
64. Пугачевский О.О. Коммуникативно-личностные смыслы интерпретации невербального поведения// Автореф. канд. дис., Ростов-на-Дону, 1999.
65. Репина Т. А. Особенности общения мальчиков и девочек в детском саду// Вопросы психологии.1984.№2. С. 63-70.
66. Розин В.М. Семиотические исследования. М. 2001.
67. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1940. С.385 - 428.
68. Рябова Л.В. Интерпретация как феномен общения (методологические аспекты). Автореф. дис. Ростов-на-Дону.1985.
69. Самойлова Е. Комплексная визуальная диагностика. М., 2007.

70. Сапогова Е.Е. Своеобразие переходного периода у детей 6—7-летнего возраста // Вопросы психологии. 1986. №4. С.36-43.
71. Сериков Г.В. Интерпретация невербального поведения в связи с социально-психологическими характеристиками личности // Автореф. канд. дис., Ростов-на-Дону, 2001.
72. Славская А.Н. Интерпретация как предмет психологического исследования // Психологический журнал. 1994. Т.15. N 3. С.78-88.
73. Славская А.Н. Личность как субъект интерпретации. – Дубна, 2002.
74. Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям. М.: ИП РАН. 2009.
75. Степанов С. Язык внешности. М., 2004.
76. Тищенко П. Дано мне тело... // Человек. 1990. N 3. С.41-49
77. Ушаков Д.В. Социальный интеллект как вид интеллекта/ Социальный интеллект. Теория, измерение, исследования. – М.: Институт психологии РАН, 2004. С.11-28.
78. Фейгенберг Е.И., Асмолов А.Г. Культурно - историческая концепция и возможности использования невербальной коммуникации в восстановительном воспитании личности // Вопросы психологии. 1994. N 6. С. 74-79.
79. Фейгенберг Е.И., Асмолов А.Г. Некоторые аспекты исследования невербальной коммуникации: за порогом рациональности // Психологический журнал. 1989. N 6. С.58 - 65.
80. Хансен Дж., Стевик Р., Уорнер Р. Невербальная коммуникация в консультировании // Журнал практической психологии и психоанализа. 2000. № 2. С.17-28.
81. Шкурко Т.А. Динамика отношений личности в процессе танцевально - экспрессивного тренинга // Автореф. канд. дис., Ростов-на-Дону, 1997.
82. Щедровицкий Г.П. О методе семиотического исследования знаковых систем // Семиотика и восточные языки. М., 1967.

83. Щетинина А.М. Восприятие и понимание дошкольниками эмоционального состояния человека //Вопросы психологии.1984.№3. С.60-66.
84. Экман П. Психология лжи. СПб., Питер, 2003.
85. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.,1998.
86. Ягнюк К.В. Присутствие и невербальная коммуникация //Журнал практической психологии и психоанализа. 2000. №1. С.27-34.
87. Ambady N., Weisbuch M. Nonverbal Behavior. In: Susan T. Fiske, D. T. Gilbert, G. Lindzey editors. Handbook of Social Psychology. John Wiley & Sons; 2010, V. 1. p. 464-497.
88. Andersen, P. A., Guerrero, L. K., Buller, D. B., & Jorgensen, P. F. An empirical comparison of three theories of nonverbal immediacy exchange//Human Communication Research. 1998. 24. p. 501-535.
89. Ausdruckspsychologie // Handbuck der psychologie in 12 Bander. Berlin. 1965.
90. Beek, van Y., Dubas J. Age and Gender Differences in Decoding Basic and Non-basic Facial Expressions in Late Childhood and Early Adolescence //J. of Nonverbal Behavior. 2008. V. 32 (1). P. 37-52.
91. Bisson J. B. The Development of Emotion Understanding in Preschoolers. Doctoral Dissertations. 2013.<http://digitalcommons.uconn.edu/dissertations/139>
92. Boyatzis, Ch. J. Satyaprasad Ch. Children's facial and gestural decoding and encoding: Relations between skills and with popularity//Journal of Nonverbal Behavior. 1994. V. 18 (1). P. 37-55.
93. Bull P. Body movement and interpersonal communication. Chichester. 1984.
94. Cassano J., Perry-Parrish M., Stegall, S. Emotion regulation in children and adolescents//J. of Developmental and Behavioral Pediatrics. 2006.V 27. P.155–168.

95. Chinnici S.G., Crippa M., Agliati A., Anolli L. Nonverbal Communication of Emotions: An analysis of Behavioral Patterns in Children/ 4th International Conference on Methods and Techniques in Behavioral Research, 27-30 August. Amsterdam. 2002. P.135-140.
96. Costanzo M., Archer D. Interpreting the expressive behavior of others the Interpersonal Perception Task // Journal of Nonverbal Behavior -1989, № 13, C. 225-245
97. Dunsmore J., Her Pa, Halberstadt A., Perez-Rivera M. Parents' Beliefs about Emotions and Children's Recognition of Parents' Emotions//J. of Nonverbal Behavior. 2009.V. 33. No. 2. P. 121-140.
98. Ekman P. Facial expression and emotion// American Psychologist.1993. No 48. P.384–392.
99. Ekman P. Friesen W. A guide to recognizing emotions from facial clues. Cambridge, MA. 2003.
100. Ekman P. Methods for measuring facial action // Handbook of methods in nonverbal behavior. Cambridge. 1984. p. 45-90.
101. Ekman P.,Scherer R. Methodological issues in studying nonverbal behavior // Handbook of methods in nonverbal behavior research. Cambridge. 1984. p. 1 - 44.
102. Gagnon M., Gosselin P., Hudon-ven der Buhs I., Larocque K., Milliard K Children's Recognition and Discrimination of Fear and Disgust Facial Expressions//J. of Nonverbal Behavior. March 2010. V. 34. No 1. p. 27-42.
103. Gosselin P., Maassarani R., YoungerA., Perron M. Children's Deliberate Control of Facial Action Units Involved in Sad and Happy Expressions//J. of Nonverbal Behavior. 2011. V. 35. (3). P. 225-242.
104. Grammer K., Kruck K., Jutte A., Fink B. Non-verbal behavior as courtship signals: the role of control and choice in selecting partners// Evolution and Human Behavior. 2000. 21. p. 371-390.

105. Gross A. L., Ballif B. Children's understanding of emotion from facial expressions and situations: A review//*Developmental Review*. 1991.V.11(4). P.368–398.
106. Hall J. A. Bernieri F. J., Carney D. R. Nonverbal behavior and interpersonal sensitivity /*The new handbook of Methods in Nonverbal Behavior Research*.- Oxford: University Press Inc., New York, 2005.p.237-281.
107. Hall, J. A., Coats, E. J., & LeBeau, L. S. Nonverbal behavior and the vertical dimension of social relations: A meta-analysis//*Psychological Bulletin*, 2005. V. 131, no. 6, p.898–924.
108. *Handbook of methods in nonverbal behavior research*. Cambridge. 1984.
109. Harrigan Jinni A. Conducting judgment studies: some methodological issues /*The new handbook of Methods in Nonverbal Behavior Research*. - Oxford: University Press Inc., New York, 2005. p.199- 234.
110. Harrison R. Past problems and future directions in nonverbal behavior research: the case of the face // *Nonverbal behavior perspectives applications intercultural insights*. Toronto. 1984. p. 317 - 331.
111. Herba C. Phillips M. Development of facial expression recognition from childhood to adolescence: behavioral and neurological perspectives// *J. of Child Psychology and Psychiatry*. 2004. V.45. P.1-14.
112. Jones S. Putting the Person Into Person-Centered and Immediate Emotional Support Emotional Change and Perceived Helper Competence as Outcomes of Comforting in Helping Situations //*Communication research*. 2004.Vol. 31 N 3. p. 338-360.
113. Mendzheritskaya J., Hansen, M. Shall I show my anger? Display rules in lecturer-student interaction in Germany and Russia/ *Materials of the 15th Biennial EARLI and JURE Conference «Responsible Teaching and Sustainable Learning»*. München. 2013. P. 235-238.
114. Montepare J. M. Contemporary Perspectives in Nonverbal Behavior: Then and Now //*J. of Nonverbal Behavior*. 2014. N 38.p.169-170.

115. Palmer M., Simmons K. Communicating intentions through nonverbal behaviors. Conscious and nonconscious encoding of liking // Human Communication Research. 1995. V. 22. N 1. p. 128 - 160.

116. Prinsen T. , Punyanunt-Carter N.M. The Difference in Nonverbal Behaviors and How It Changes in Different Stages of Relationship //Texas Speech Communication J., Vol. 34, Summer, 2009, p. 1-7.

117. Rodway P., Schepman A., Lambert J. The influence of position and context on facial attractiveness// Acta Psychologica. 2013 (144). P. 522-529.

118. Schefflen A.E. with Alice Schefflen Bodi Language and Social Order: Communication as Behavioral Control. N.-Y., 1972

119. Springer K., Meier J. A., Berry D. Nonverbal bases of social perception: Developmental change in sensitivity to patterns of motion that reveal interpersonal events// J. Nonverbal Behavior. 1996. No 20(4). p.199–211.

120. Sullivan Q., Guilford D., Miller R. The measurement of social intelligence. California, 1965.

121. The new handbook of Methods in Nonverbal Behavior Research/ Ed. by Jinni A. Harrigan, Robert Rosenthal, Klaus R. Scherer.- Oxford: University Press Inc., New York, 2005.

122. Yoshimoto D., Shapiro A., Brie K., Gottman J. Nonverbal communication coding systems of committed couples/ The new handbook of Methods in Nonverbal Behavior Research. Oxford: University Press Inc., New York. 2005. p.369-397.

**More
Books!**

yes
I want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн – в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов! окружающей среде благодаря технологии Печати-на-Заказ.

Покупайте Ваши книги на
www.more-books.ru

Buy your books fast and straightforward online - at one of the world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.get-morebooks.com

